

Евгения Левицки

УІСАІТ

Книга І

16+

Евгения Левицки
Инсайт. Книга 1

«Автор»

2021

Левицки Е.

Инсайт. Книга 1 / Е. Левицки — «Автор», 2021

А вы знаете, к чему может привести невинное общение с призраком? Подружившись с одним из них, Ева и представить не могла, чем обернется ее желание помочь духу обрести покой. События прошлых лет придется собирать по крупицам, ведь иначе Еве не распутать этот клубок из человеческих жизней, но главное при этом – не потерять собственную. Книга написана в жанре философского фэнтези, и прежде всего она о человечестве: о каждом из нас. В динамичное и легкое повествование через события, происходящие с героями, тонкой нитью вплетены законы всего мироздания, о которых мы за будничными делами совсем позабыли.

© Левицки Е., 2021

© Автор, 2021

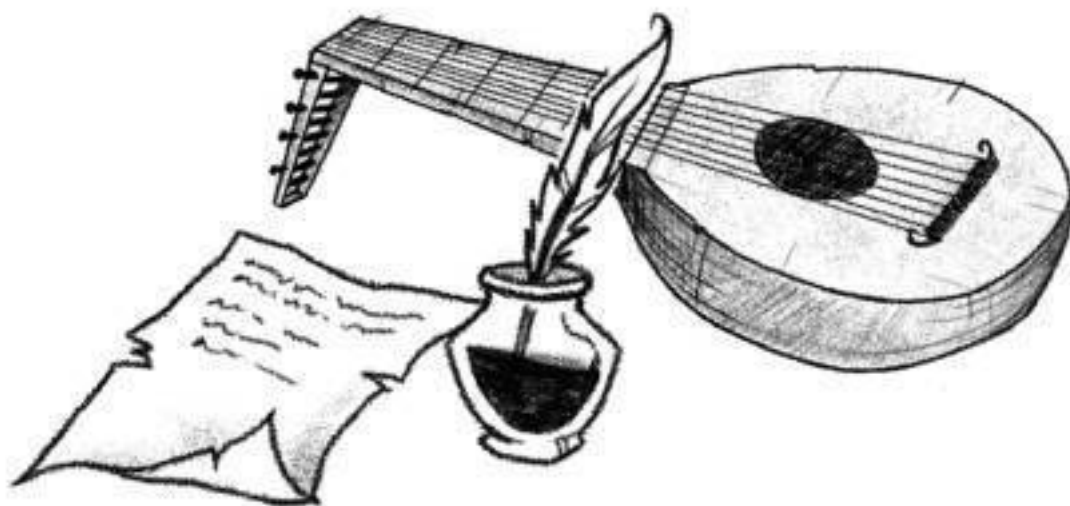
Содержание

Глава 1. Лекарство	5
Глава 2. История Дария	16
Глава 3. Надежда	30
Глава 4. Некромант	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгения Левицки

Инсайт. Книга 1

Глава 1. Лекарство

«Дорогие мама и папа! У меня все хорошо. Дом, который мне удалось так удачно купить, когда я только приехала в Сомнус, я потихоньку обживаю, уже многое сделано, но задач все равно еще полно. Здесь давно никто не жил. Мои друзья помогают мне выносить мусор (знали бы вы, как здесь много хлама и пыли!). Кстати, я не говорила, но у меня появились друзья. Одного зовут Стром Соллер – он моряк. Мы познакомились на причале. Он часто путешествует в поисках разных интересных вещей: артефактов или волшебных предметов. Я таких раньше никогда не встречала, но Стром говорит, что надо просто наловчиться их искать. Говорит, что я могла их видеть, но не знать, что они что-то в себе скрывают. Может, ты, мама, тоже знаешь такие вещи или что-то слышала о них? Кстати, его корабля с матросами я пока не видела. Стром шутит и говорит, что все дело в шляпе, и обещает как-нибудь показать. Я думала, что это я чудная, и, похоже, я такая не одна. У капитана есть друг – Раснария Нимени. Он немного странный: говорит, что в своем теле он не один, – их там трое. Они называют себя братьями: Раснария, Шут и Сомбер. Иногда они могут говорить все вместе, но чаще всего один лидирует, а другие братья в это время как бы спят. Все возможно, конечно, но иногда мне кажется, что Раснария – просто свихнувшийся, хотя дружить с ним мне это не мешает.

Дом огорожен, и к нему прилегает хороший сад. Стром и Раснар помогли мне привести его в порядок. Недавно я посадила там целебные травы, и кое-что уже выросло. Я сушу растения на чердаке, там сухо и тепло. Некоторые из них здесь очень ценятся, я уже договорилась с аптекарем, и на днях он ждет от меня первую партию. Стром обещал привезти мне из других стран семена волшебных трав, попробую вырастить их тоже. Местные знахарки очень любят использовать особые (волшебные) растения.

Кстати, о травах. Тех, что ты, мама, давала мне в дорогу, у меня больше нет: я случайно подпалила полотенце, когда вешала чайник в очаг, а когда вернула полотенце на стол, травы вспыхнули из-за искры. Мой запас превратился в пепел, и мне пришлось все выбросить. Я знаю, что должна принимать лекарство каждый день, чтобы мой недуг не давал знать о себе.

Помню, ты говорила, что от этого зависит моя жизнь, поэтому сегодня вечером я отдам письмо Строму, и он навестит вас с папой. Капитан говорит, что может сделать это быстрее, чем мое письмо дойдет почтой. Прошу тебя выслать мне (или передать с капитаном) травы снова. А заодно, может быть, ты узнаешь, как они называются? Или пришлешь семена, чтобы я могла выращивать их сама.

Ваша дочь Ева».

Ева сложила лист пополам и убрала его в импровизированный конверт, сделанный из плотного листа бумаги. Марки к нему не требовались, ведь было решено, что письмо родителям доставит капитан Соллер. Они жили через пролив – на острове Гланбери, где Ева родилась и выросла.

Стром стал для Евы первым другом в городе. Он познакомился с ней в тот же день, когда она купила дом, и, только войдя в него, сразу же спросил: «Не ощущаешь ли ты здесь что-нибудь необычное?» Ева не ощущала. Единственное, о чем она немного беспокоилась, так это о том, что жить одной в этом доме может быть небезопасно, чем позже и поделилась со Стромом и Шутотом во время вечернего чаепития. Дружья сидели в гостиной у Евы после уборки на чердаке. В воздухе витал аромат специй и лечебных трав, заваривающихся в банке.

В очаге тем временем запекалась рыба, рецепт приготовления которой капитан позаимствовал у кока.

– Думаю, тебе стоит завести крупного пса, – сказал Стром.

– Или хорошую пушку, – заметил Шут.

Шут – это первое альтер-эго Раснарии. Первое – потому что есть еще и второе, имя которого – Сомбер. Все эти личности занимали одно тело и считали друг друга братьями, однако дружными их назвать было нельзя.

Раснар и Шут постоянно боролись за право управлять общим телом, Сомбер же был гостем нечастым и главную роль стремился играть лишь в одном случае: когда сочинял новую песню и готов был исполнить ее, сопровождая себя на лютне. Узнать, кто из братьев главенствует сейчас, было просто: они обладали разными голосами, не говоря уже об абсолютно непохожих привычках и характерах.

– Пушку? – растерянно икнула Ева. – Какую еще пушку? Я не умею стрелять. Уж лучше собаку...

– Так Шут тебя научит, – Стром кивнул в сторону друга, – он, между прочим, меткий стрелок.

Шут одобритительно гукнул.

А на следующий день пришел к Еве с сюрпризом.

– Смотри и запоминай, – сказал он, собирая оружие, – ты должна научиться им пользоваться.

Пока Шут чистил револьвер, Ева наблюдала за его движениями. Они были уверенными и ловкими, несмотря на отсутствие двух пальцев на левой руке: мизинца и безымянного. Шут был среднего роста, стройный и загорелый, впрочем, как и капитан, ведь в море они ходили вместе. Он носил черную фетровую шляпу, и его пшенично-рыжие волосы выбивались из-под нее, ниспадая спутанными прядями на плечи.

– Почему у тебя такое странное имя? – вдруг спросила Ева.

– А?... – Шут растерянно поднял на нее взгляд, и их глаза встретились. Его серые и ее каре-зеленые. Ева смутилась и отвела взгляд.

– Ну, кхм... твоё имя, – нарочито покашливая, повторила она, – оно больше похоже на прозвище.

– Потому что так и есть. Видишь ли, – Шут отвлекся от оружия и внимательно посмотрел на собеседницу, – когда мы родились, никто ведь не знал, что нас в теле несколько. Этому

телу, – Шут ткнул себя пальцем в грудь, – дали одно имя – Раснария. Мы считаем Раснара старшим братом. А вот у нас с Сомбером имен не было.

– А ты какой брат?

– Средний. По словам нянек, я проявился вторым, а Сомбер – третьим. Когда мы сменялись, няньки и воспитатели говорили, что в Раснара снова вселился шут или упрямец – это если в теле главным был я. Или же называли его Сумрачным, Сумбурным, когда Сомбер пел свои печальные и странные песни. Как-то постепенно его стали звать Сомбером, что, пожалуй, больше походит на имя.

– А тебе никогда не хотелось иметь собственное, настоящее имя?

– Вообще... – протянул Шут, – оно у меня все-таки есть. Просто все привыкли, что я Шут. Я и сам привык как-то.

– И... как же тебя зовут? – не отступала Ева.

– Кйлан.

Ева любила наблюдать за людьми, слушать их и анализировать их слова и действия, но Шут казался ей необычным, каким-то непроницаемым. Казалось, за веселым нравом этого человека скрывается загадка, его невозможно было прочесть, понять. Он всегда был в хорошем настроении и часто шутил, но сейчас, несмотря на привычную насмешливую улыбку, глаза его оставались серьезными.

После недолгой паузы Шут, не отвлекаясь от чистки оружия, продолжил:

– Я помогал кухарке на кухне. Таскал воду, выносил помои, она меня за это кормила. Ты же знаешь, мы выросли в приюте. Ну так вот, ходил я к ней тайком, чтобы не засмеяли другие мальчишки. Я рано стрелять научился, любил охотиться, двигался много, дрался часто и оттого, наверное, есть всегда хотел. Она добрая была, всегда оставляла мне еду повкуснее, – Шут странно хмыкнул, – говорила, что я похож на ее братца младшего, покойного. В честь него и дала мне имя, – Шут цокнул языком. – Но меня так никто не называет. Слишком... благородное имя для меня, скажи?.. Ха! Я ж дурак и шут! Только бубенцы повесить на шляпу осталось, да? Ой, нет, не на шляпу... мне нужен колпак! – он сделал движение руками, как бы вытягивая из шляпы три длинных конца: два по бокам и один впереди. – Ну? Вылитый Арлекин! А-ха-ха!

Шут лучезарно улыбнулся и помотал головой, изображая звон бубенцов.

– Мне нравится твое имя, Кйлан, – смущенно сказала Ева, – я могу звать тебя так?

– Да на здоровье, – отмахнулся он и взял в руки револьвер. – Готово. Смотри и запоминай: откидываешь барабан в сторону, ставишь патроны. Вот так. Барабан на место. Держать оружие надо двумя руками.

Шут взял за рукоять правой рукой, а левую ладонь положил сверху на правую.

– Большие пальцы убираешь вот сюда, вниз, – Шут сделал соответствующее движение, – чтобы не задеть барабан и не пораниться. При стрельбе из-под него выскакивает пороховой газ, он может повредить пальцы, поэтому их важно убирать вниз. Поняла?

– Да.

Ева волновалась, но слушала очень внимательно.

– Целишься. Настраиваешь так, чтобы мушка попала в прорезь. Смотри, чтобы было ровно: не ниже, не выше, не вбок. Прицелилась – и жмешь на спуск. Он туговат, но ты справишься. Попробуй.

Шут передал оружие Еве.

– Барабан в сторону, да. Ставишь патроны. Закрываешь. Сильную руку вниз. Кстати, да, какая у тебя сильная?

– Что?

– Ну это... какой рукой пишешь?

– Я левша, – пролепетала Ева.

– Хорошо.левой рукой берись за рукоять, а правую вот сюда, сверху. Так стрелять безопасней. Большие пальцы вниз. Нет, еще ниже, – Шут встал за спиной Евы и положил свои ладони на ее руки, корректируя их положение на рукояти.

Ева вздрогнула от неожиданности. Руки Килана были такие теплые и сильные, а вельветовый низкий голос звучал прямо над ее ухом. На несколько секунд Ева оцепенела, почувствовав себя голой, хрупкой и маленькой. И чувство это ей не понравилось.

Не понравилось, потому что она считала себя отважной девушкой, свободной от романтики, которая, по ее мнению, была прерогативой слабых, а теперь чуть ли не растаяла в руках сильного мужчины. Она попыталась высвободить свои руки из рук Шута, но тот не ослабил хватку. Ева почувствовала, как лицо ее запылало, а по телу побежали мурашки.

– Центр тяжести у него впереди, – спокойный низкий голос действовал на Еву как гипноз, – поэтому важно следить за мизинцами и не перенапрягать их, иначе револьвер будет стрелять ниже, чем ты целишься. Благо тебе есть за чем следить! Я вот не уследил в свое время!

Килан хихикнул. Ева взволнованно хмыкнула. Почему у Шута нет двух пальцев, она не знала, а спросить стеснялась. Неужели от неаккуратной стрельбы?! «Брр, лучше не думать об этом», – решила Ева и попыталась сосредоточиться на правильном хвате оружия.

Она прицелилась и нажала на спуск. Килан отпустил ее руки, и Ева выстрелила в мишень еще несколько раз уже сама.

– Почему ты дрожишь? – спросил он.

– Эм-м... просто волновалась, что не получится, – соврала Ева. Ее трясло от новых ощущений и эмоций, которые вызвал в ней Шут.

– Все пули попали в мишень! – заключил он. – Не в центр, но все же. Для первого раза отличный результат. У тебя талант, поздравляю!

Ева окончательно смутилась. Единственное, что волновало ее в тот момент, – понял ли Шут, что причиной волнения стал он. Она надеялась, что нет.

В последующие несколько дней Килан вел себя особенно внимательно по отношению к Еве, и вскоре она поняла, что скучает по нему, но что еще хуже – фантазирует, будто они стали парой. Каждый раз, когда они виделись, она наблюдала за ним, ожидая знака симпатии, и стыдливо отворачивалась, если их взгляды встречались. Возможно, это весна на нее так действовала, но в конце концов она сдалась. «Ну и что, что он намного меня старше? – думала Ева. – Может, любовь – это не так уж и плохо?»

За свои почти двадцать лет Ева никогда раньше не влюблялась и тем более не ожидала, что объектом ее внимания окажется мужчина на четырнадцать лет старше. Однако, как только она сдалась, практически приняв свое чувство, Шут стал появляться все реже, и более частыми хозяевами тела стали Сомбер и Раснария.

Лето в Сомнусе выдалось жарким. Зной Ева переживала в доме, всегда прохладном, как высоко бы ни поднимался столбик термометра за окном. Просторная гостиная была уставлена красивой резной мебелью. Всю ее: от книжных шкафов до кресел – подобрали в тон друг другу. Бархатные, изумрудного цвета шторы украшали большие окна. Несмотря на темную мебель, комната была очень светлой. В ней же находился камин, в котором Ева кипятила чайник. На стене, противоположной камину, висел огромный портрет с изображенным на нем молодым мужчиной, сидящим в кресле. Взгляд человека был устремлен в сторону. Его руки, сложенные в замок, покоились на животе, а локти опирались на подлокотники кресла. Белые манжеты-рюши выглядывали из-под черного фрака, а шею украшал темно-синий платок. Ева любила разглядывать портрет, особенно всматриваться в глаза неизвестного. Взгляд его был отрешенным, а цвет глаз разобрать не получалось. Однажды Ева взяла свечу и залезла на журнальный столик, чтобы поближе рассмотреть лицо. Следует отметить, что портрет исполнили мастерски: приблизившись, можно было заметить тонкие волоски на коже мужчины и

его густые ресницы. Темные волнистые волосы слегка спускались на плечи. Портрет казался Еве загадочным, отчего еще сильнее нравился. Она словно ощущала дух полотна, а с ним и дух дома.

Прежнего хозяина дома Ева не успела спросить про портрет, а подписи автора на нем не было. Оставалось только догадываться и предполагать, кого изобразил мастер и как картина попала в дом. Как бы там ни было, она отлично вписывалась в интерьер.

Иногда Ева вспоминала вопрос Строма, не ощущает ли она, находясь в доме, что-нибудь странное и необычное. Она жила в Сомнусе чуть больше двух месяцев, и дом все еще не казался странным, лишь иногда ближе к ночи Ева ощущала на себе чей-то взгляд. От аптекаря и некоторых других людей на улице она успела услышать байки о том, что дом ее якобы живет своей жизнью. Ева спросила об этом у Строма, но тот лишь отмахнулся, отметив, что дом долгое время пустовал, а люди склонны выдумывать сказки.

День клонился к вечеру, Ева сложила письмо, убрала чернила и вышла на крыльцо. Перегретый воздух казался плотным и душным, вдалеке собирались тучи, грозя к ночи разразиться ливнем. Ева не любила дождь, но сегодня была бы ему рада: июль в Сомнусе выдался чрезвычайно засушливым, и сад нуждался в спасительной влаге.

У калитки показалась фигура: загорелый плечистый блондин лет сорока на вид, в тонкой рубашке, расстегнутой на груди, помахал Еве одной рукой, а второй приподнял треугольную шляпу в знак приветствия. Ева помахала в ответ. В какой-то момент ей показалось, что пространство над шляпой поблескивает, будто капельки воды в бурной реке, но, когда капитан приблизился, видение прошло.

– А где Шут? – тут же спросила Ева.

– Где-то шляется, – Стром махнул рукой в сторону дороги, – ушел вечером, к утру не явился. Должно быть, в гостях у какой-нибудь новой подружки.

Из-за услышанного Ева почувствовала нарастающий в горле ком. Стараясь скрыть раздражение, она нервно хмыкнула и криво усмехнулась:

– Какой гуляка!

– Вообще обычно нет, но в последнее время начал часто посещать кабак да хватать девок за ляжки. Хотя и Раснар этим не гнушается. Как прохладно! – Стром вошел в дом. – Вот чем нравится мне твое жилище, так это прохладой даже в такую жару.

Капитан устроился в кресле против камина.

– Похоже, будет гроза, – заметил он, глядя в большое окно. – Небо над портом становится темным.

– Держи чай, как раз заварился, – Ева подала гостю самую большую чашку. – В море сегодня нельзя?

– Спасибо, милая! Можно, но придется переждать, – он отхлебнул из чашки, – в такую погоду море беспокойное. Да ты не волнуйся! – ободряюще улыбнулся Стром, заметив тревогу на лице Евы. – Мы быстро прибудем в Гланбери и сразу же найдем твоих родных.

С крыльца донесся шум. Ева вышла посмотреть: на ступеньках сидел Шут, придерживая руками собственную голову.

– Напился, что ли?! – фыркнула Ева.

Шут при виде нее довольно улыбнулся и прищурился.

– Было дело... Дай воды, подруга.

– Зайди и возьми сам!

Ева скрылась в проеме, оставив дверь открытой.

– А у нас сегодня лютня! – протяжно сообщил Шут, вливаясь в холл и держась за стену. – У Сомбера новая песня. Мое почтение, капитан... – Шут изобразил поклон. – Ну, я пошел!

Шут уселся прямо на пол там же, где стоял. Едва его голова опустилась на грудь, как он очнулся и окинул гостиную грустным взглядом.

– Знаете, что самое обидное в этом всем? – певучим тихим голосом произнес Сомбер. – Пьет лишь один из нас, а страдают все остальные.

Он поднялся с пола, достал из-за спины лютню и, сняв её с ремешка, сел на ковер против камина. Тучи опустились совсем низко, и в доме стало темно. Стром растопил камин, намереваясь пожарить в очаге хлеб, а Ева зажгла свечи. Стало тепло и уютно.

Сомбер настроил инструмент и начал наигрывать тихую нежную мелодию. За окном грянул ливень, барабаны по карнизам и крыше. Ева любила музыку Сомбера. Все эмоции, переданные лютне, отражались на лице музыканта, и Еве казалось, что так звучит он сам. Трудно было понять, как один и тот же человек мог так по-разному выглядеть. Удивительно непохожими были мимика и движения каждого брата, так же, как их голоса. Братьев словно сделали из разного теста, хотя они имели не просто одинаковую внешность, но гораздо больше: одно тело на троих.

Звуки лютни отражались от высокого потолка и стен, возвращаясь протяжным эхом со всех сторон. Ева слушала чарующие мелодии Сомбера, но мысли ее были не о музыке. Шут практически перестал с ней общаться именно тогда, когда ей показалось, что он тоже к ней равнодушен. И теперь понимание того, что Киран предпочитает компанию других женщин тому, чтобы увидеть ее, Еву, причиняло ей боль. Ревность и обида жгли грудь. Ева повернулась лицом к стене, на которой висело большое зеркало, и посмотрела на себя. Что с ней не так? На девушку глядело ее отражение: большеглазое и бледное, с маленькой родинкой на правой щеке. Густые темно-рыжие волосы волнами падали на худые плечи, спрятанные под тонкий коричневый жилет на шнуровке, из-под которого выглядывала светлая рубаша. Темно-коричневые штаны завершали почти мальчишеский образ. Ева ненавидела платья, считая их неудобными и недостойными ее внимания. Она настолько боялась показаться слабой, что была уверена, будто одежда, похожая на мужскую, сделает ее внушительней и серьезней. Еще больше комплексов добавлял маленький рост – чуть больше полутора метров, и, чтобы казаться выше, Ева носила обувь на толстой подошве.

Шут любит портовых девиц с пышной грудью и глубоким декольте? Судя по тому, что говорит Стром, так оно и есть. Киран предпочитает простой доступ к женским прелестям, и платья с легкостью его обеспечивают. Ева сердилась на Шута, но еще больше она злилась сама на себя из-за того, что вообще размышляла обо всем этом. Она зажмурилась и сильно помотала головой, представляя, как мысли об этом развратнике вылетают из ее головы раз и навсегда прямо через уши, ударяясь о стены и разбиваясь о них с легким позвякиванием.

Сомбер запел. Его пение убаюкивало, а мягкий, тихий голос струился словно лесной ручей, чем окончательно вырвал Еву из размышлений о Шуте.

Граф Нобиус мечтал о детях много лет,
Но малышей, как ни хотел он, нет и нет.
Молил богов, чтоб дали те ему дитя.
Чрез десять лет сдались они и, графа наградя
За долгие упорные мольбы,
Ребенком не одним, а сразу близнецами
С лицом одним, но с очень разными сердцами —
Нарочно были созданы творцами.

Тройняшки-близнецы, они хоть братья были,
Друг друга, вопреки родству, сызмальства не любили.
Всегда они между собой боролись,
Соревновались – Латус, Фортис, Сомнис.
Любимым сыном каждый стать стремился,

Но граф всех одинаково любил, детьми гордился.
Второй был меткий лучник, а певцом был младший.
Старшой же брат слыл воином отважным.

И братьям повезло не только в день один родиться,
Но угораздило в одну и ту же барышню влюбиться.
Ей нравились все трое, и они были упрямы:
Боролись меж собой за сердце милой дамы.
Турниры посвящал прекрасной леди Латус
И, побеждая в них, поддерживал свой статус.
Охотник Фортис одарял избранницу мехами,
Катал на лошадях, дарил цветы и говорил стихами.

Ей Сомнис посвящал баллады и сонеты,
Гуляя под луной, показывал планеты.
Не в силах выбрать одного, красавица решила,
Что выйдет замуж за кого – пускай решает сила.
Спор разразился между ними, а после – поединок.
Багряным вмиг искристый снег стал под подошвами ботинок...
Кружилось воронье среди летящих вниз снежинок,
Что превращались в сотни алых льдинок.

Пал первым Сомнис, Фортис следом, и Латус, севший на коня,
Погнал к красавице с ответом: «Теперь ты выйдешь за меня!»
В пылу разборки с братом средним он не заметил одного:
Дыры в боку от шпаги Форти, что ранил брата своего.
Средь роз густых стояли двое: она и новый кавалер,
И в гневе Латус закричал им, что устранил и сей барьер.
Но та дуэль была недолгой. Сочилась кровь, а с ней и жизнь,
Что Латус средь цветов колючих за сердце дамы положил.

Сомбер замолк, перебирая пальцами струны так легко, словно и не касался их, а мелодия продолжала звучать легкими хрустальными капельками. Редкий талант был у Сумрачного: с помощью музыки он мог касаться чужих сердец, с помощью пения – успокаивать душу.

– Какая красивая грустная песня, – произнесла Ева. – Как ты придумал такую историю?

– А я не придумывал, лишь рассказал ее в стихах, – ответил Сомбер. – Раснар услышал историю во время одного из наших путешествий. Мне показалось, что братья напоминают нас троих. И... вот, решил написать балладу.

Раснария и Шут извечно боролись за право управлять общим телом. Как и братья из баллады Сомбера, они обладали очень разными характерами, но лишь в одном были похожи: каждый мечтал иметь свое собственное тело. Такая простая, но недостижимая мечта. То, что есть у каждого человека по праву рождения, было недоступно для братьев Нимени, и они неустанно искали способ это обрести. Решить проблему братья пытались по-разному: один жаждал найти способ разделиться, другой же старался узнать причину их заточения в общем теле.

Шут искал спасения в магии. Когда-то он узнал про Большой Эмпорий, на котором покупали, продавали и выменивали предметы, обладающие магической силой. Таких на всей Сенталии имелось не слишком много, поэтому ценились они крайне высоко. Кроме того, на Эмпории можно было встретить колдунов, травников, алхимиков и прочих мастеров и любителей магии. Вот они-то и были нужны Шуту. Путешествуя с Соллером, он старался отыскать как

можно больше подходящих предметов, чтобы на Эмпории расплатиться ими с Вормаком Корвусом – самым прославленным магом планеты. Вормак не брал денег, но очень любил волшебные вещицы.

Раснария же верил, что разгадка кроется в их с братьями корнях. Выдавая себя за газетчика и собирателя историй, он получал доступ к архивам и выискивал подобные случаи, при которых в одном теле уживалось несколько личностей. Тщетно он пытался найти и своих родителей, подбросивших его младенцем к дверям приюта. Раснар предполагал, что дело может быть в родовом проклятии. Благодаря усердным поискам и умелому общению с жителями деревень и городов, в которых бывал, Раснария узнавал много разных историй. Но лишь редкие из них походили на его случай. Их, как правило, списывали на одержимость или сумасшествие. У многих мудрецов и знахарей он бывал, но так и не смог понять, из-за чего вынужден нести такое бремя. Однажды, разозлившись на среднего брата, он даже попробовал обряд экзорцизма, во время которого Шут танцевал и смеялся, отпуская колкие шуточки в адрес священника. В конце концов тот не выдержал и, выпучив от ярости глаза, прогнал златовласого палкой за двери священной кельи, так и не окончив обряд.

Сомбер в разборки братьев не вмешивался, являясь скорее наблюдателем, и лишь изредка пытался их помирить. В своих спорах братья часто призывали поддержать одного из них, но Сомбер не принимал ничью сторону, он лишь тихо страдал от вынужденного соседства.

Зарабатывали братья тем, что умели лучше всего. Раснария писал статьи в газеты, а иногда брал на себя роль сыщика: имея доступ к различным документам, находил людей или информацию о ком-то. Шут охотился, сбывал дичь и шкуры и иногда продавал волшебные вещицы, которые находил в поездках, но только лишь те, что не представляли бы интереса для Вормака. Сомбер пел на площадях, получая за свои песни деньги и внимание. Сладкоголосый певец выглядел загадочно и был хорош собой.

– Так эти братья существовали? – спросил Стром.

– Сейчас это больше похоже на легенду, но Раснар нашел документы, подтверждающие существование близнецов, – Сомбер отложил лютню, чтобы отхлебнуть из чашки, – так что да, с уверенностью можно сказать, что эти люди были и их история – правда.

Гроза стихла. Небо наполнилось мерцающими огоньками. За окном послышалось журчание ручейков, образовавшихся из-за ливня. Ева открыла окно и вдохнула свежий сырой воздух, напоенный тонким ароматом роз.

– Совсем как в саду, где погиб храбрый Латус, – выдохнула она.

– Скорее, безрассудный, – отозвался Сомбер.

– В то время было обычным делом сражаться за сердце дамы таким образом, – возразил капитан.

– И все же, – вздохнул Сомбер, – это безрассудство.

– Неумная жажда власти, денег и любви могут оправдать любое безумство. Увы, это три кита, на которых построен наш алчный мир.

– А как же честь? Совесть, милосердие, достоинство и справедливость? – возразила Ева. – Разве не на них держится мироздание?

– Ах, Ева, девочка, – улыбнулся Стром, – ты еще такая наивная! Поверь, имея реальную возможность получить что-либо из того, что я перечислил, лишь редкий человек не пойдет на сделку с совестью. Возможно, такие люди существуют, но где же они?

– А ты? А Сомбер?

– Я не безгрешен, да и Сомбер с братьями вряд ли отличаются высокими моральными принципами. Со временем это проходит, дорогая. Мне жаль тебя разочаровывать, но...

– Ну нет! – перебила Ева. – Я никогда не поступлюсь своими убеждениями из-за личной выгоды! Честь, совесть и дружба – для меня не пустые слова. А для тебя?

– Для меня тоже. Ты права, друзей не купишь! Но не зарекайся, девочка, – капитан встал и водрузил на голову треуголку, – кто знает, как развернет тебя жизнь. Некоторые особенно принципиальные умирали из-за верности себе. Любое действие имеет последствия. Любое действие имеет и причину. Каждый поступок возможно понять.

– Но не каждый возможно оправдать! – не унималась Ева.

– Это правда. Но запомни одно: не стоит осуждать кого-то, ни разу не побывав на его месте. Не зная причины. Все не так однозначно. Бывает, ложь рождается из милосердия, а несправедливость – из-за любви.

– И ты считаешь, что это нормально?

– Нет. Это лишь мои наблюдения. И я делюсь ими с тобой, потому что это и есть жизнь, а не идеальный мир из твоих любимых книжек, дорогая.

Ева нахмурилась. Она явно была не согласна с капитаном, но спорить дальше не стала. В глубине души Ева признавала, что в чем-то он прав. Все-таки он был значительно ее старше, опытнее и успел повидать мир с его несовершенствами. Слова капитана подтверждало молчание Сомбера, которое означало, что ему нечего возразить.

– Нам пора, – прервал молчание Стром, – погода наладилась, выдвигаться нужно как можно раньше, чтобы к обеду мы достигли твоих родных мест. Скоро лекарство будет у тебя.

Ева кивнула и закрыла окно. Провожая друзей к выходу, она снова заметила блеклое мерцание над шляпой Строма, словно над ней колыхался целый аквариум, но расспросить его об этом решила позже.

Ева вернулась в холл и, подойдя к камину, резко обернулась, почувствовав на себе пристальный взгляд, который в этот раз ощущался сильнее, чем раньше. Позади нее стоял человек, точнее не человек, а фантом, имевший очертания молодого мужчины. Ева вздрогнула от испуга и выронила свечу, но не отпрянула назад, а застыла на месте, закрыв рот ладонью, словно удерживая крик внутри себя. Падая, свеча погасла и измазала паркет воском. Ева не моргая глядела на фантом, а он глядел на нее. От страха она перестала дышать и опомнилась, только когда стало темнеть в глазах. Призрак поднялся над ней и удалился в угол комнаты, не сводя с Евы взгляда. Она закашлялась, набрала в грудь воздуха и дрожащим голосом спросила:

– Кто ты?

– Ты видишь меня? – спросил фантом. Он немного мерцал, становясь то более плотным, то совсем прозрачным.

– Да!

– Я удивлен, – призрак опустил ниже и приблизился к Еве.

– Ты удивлен?! Постой... – Ева перевела дух и присмотрелась к собеседнику, – ты что, тот парень с портрета?

– Так и есть, – подтвердил мужчина и, изобразив полупоклон, представился, – меня зовут Дарий.

Ева, пытаясь унять дрожь в руках, потерла влажные ладони о штаны. Призрак качнулся в воздухе.

– Не бойся, – сказал он. – Я находился здесь до того, как ты заселилась, и с первого дня твоего пребывания в доме всегда был рядом. Я догадывался, что ты чувствовала мой взгляд, и видел, как ты рассматриваешь портрет. Только я ведь и раньше выходил за его рамки. И прежде ты меня не видела, лишь ощущала присутствие.

Ева покраснела. Она действительно часто и подолгу изучала портрет. Если бы она только знала, что в эти моменты портрет наблюдал за ней!

– Ты – дух портрета? – выдавила она.

– Не совсем, – ответил Дарий. – Я – дух человека, изображенного на портрете. Таким я был при жизни.

– Ты умер?

– В каком-то смысле да. Умерло мое тело, а вот я – нет.

Ева понемногу успокоилась, страх уступил место любопытству, и она перестала дрожать.

– Значит, мы соседи. Кто бы мог подумать, что я живу не одна... – Ева рухнула в кресло, а Дарий устроился на столе напротив. – Как это случилось? Давно ты, хм... такой?

– Должно быть, лет двадцать уже. Сначала я считал дни, месяцы, годы, но в какой-то момент сбился, поэтому точно сказать не смогу. А как я стал таким – история длинная.

Поленья в камине приятно потрескивали, источая тепло и свет. Призрак выглядел почти так же, как его изобразили на картине. Только одежда отличалась. На картине мужчина был одет в белую рубашку с манжетами-рюшами и шнуровкой на груди, черный фрак и такие же брюки. Шею украшал темно-синий шелковый платок. Призрак же носил белую рубашку с широкими рукавами и черные брюки. Платка на шее не было. Темные, слегка волнистые и очень блестящие волосы средней длины частично прикрывали лоб. Из-под изящных черных бровей глядели глаза бутылочно-зеленого цвета. Цвет глаз Ева сразу отметила: на картине он был непонятным – то ли серым, то ли бледно-зеленым, зато у призрака оказался очень ярким. Тяжелый, усталый взгляд Дария пронизывал насквозь, словно его обладатель был на пару сотен лет старше, чем выглядел.

– Я не представилась, – спохватилась Ева, – меня зовут...

– Ева! – подхватил собеседник, сопроводив сказанное элегантным восторженным жестом. – Я знаю.

Голос Дария был приятным и бархатным, а жесты плавными, да и во всех его движениях сквозило нечто театральное, словно он играл драматическую роль. Призрак продолжил:

– Я слышал, как называли тебя твои друзья. Ева. Чудное имя.

– А мне никогда не нравилось...

– О, напрасно. Оно значит «приносящая жизнь». Ирония в том, что ты сейчас говоришь с мертвецом. А для меня это сродни тому, что я вдруг снова стал живым.

– Ты давно ни с кем не разговаривал?

– Со дня своей смерти.

Расспрашивать было неудобно, но Ева страсть как хотела узнать подробности. Стараясь скрыть нервозность, она принялась снимать невидимые пылинки с одежды, прокручивая в голове возможные варианты вопросов.

– Скажи, – начала Ева, – все ли после смерти остаются призраками? Что там, по ту сторону?

– Не знаю, – Дарий провел по волосам изящной ладонью с длинными пальцами, – я много думал об этом, но до сих пор не нашел ответа. Я слышал от умирающих про свет, тоннель, какой-то путь впереди. Слышал истории, которые рассказывали те, кто вернулся с того света: умер и вдруг ожил. Читал, что эти люди видели карету и шли к ней. Но когда это случилось со мной, я не увидел ничего, – Дарий пожал плечами, – ничего подобного.

– Сколько тебе было лет?

– Двадцать семь.

– От чего же ты умер? – удивилась Ева. – Ты чем-то заболел?

Призрак покачал головой:

– Нет. Я просто ошибся, – голос Дария вдруг заметно похолодел, и Еве на секунду показалось, что и взгляд его стал недобрым.

Напряжение повисло в воздухе. Ева смущенно встала и подняла свечу с пола, установила ее в канделябр, где уже было две свечи, зажгла их все и поставила канделябр на столик. Стало светлее. Ева решила нарушить тягостное молчание:

– Чем ты занимался... э-э... при жизни? – спросила она, вырвав Дария из задумчивости.

– Я был пианистом и композитором. И достаточно известным, – добавил он, выпрямив плечи. – Как же приятно поговорить с тем, кто тебя слышит! Знаешь, я расскажу тебе свою историю.

Глава 2. История Дария

Публика уже заполнила зрительный зал, когда красивый молодой человек в темно-синем фраке вышел из-за кулис. Легким кивком он поприветствовал зрителей и сел за рояль, опустив пальцы на клавиши. Они тихонько скрипнули, и со сцены зазвучала прекрасная музыка: она то лилась ручейком из-под пальцев музыканта, то разбивала сердца слушателей пронзительными аккордами, заставляя чувствительных гостей незаметно смахивать слезу.

Когда концерт окончился, Дарий поклонился, а зал взорвался аплодисментами. Музыкант явно полюбился в этом городе, как и во всех других, где о нем уже узнали. Дарий же не пренебрегал общением с публикой, поэтому спустился в зал, чтобы побеседовать с гостями. Дамы, молодые и пожилые, проявляли к пианисту особенный интерес.

– Господин Ле Гур, как давно и почему вы решили стать пианистом? Когда вы начали писать музыку? Откуда вы? Сколько вам лет? – спрашивали музыканта местные писаки, надеясь достать эксклюзивные новости для свежей газеты.

– Мне двадцать пять лет, музыкой я занимался с детства, – отвечал пианист. – Мне просто повезло. Я рос в маленьком городке на Ласноре, а отец пытался обучить меня ремеслам. Отправлял к разным учителям, но все они говорили, что я бездарность, – грустно улыбнулся маэстро.

По толпе пробежал взволнованный шепоток, и снова раздался вопрос:

– Как же вам удалось доказать, что вы не бездарность?

– Доказывать мне не пришлось. Мой учитель – пианист-виртуоз Антистес. Он приезжал в наш городок с концертом, когда мне было шесть, и отец чудом вырвал у него аудиенцию. Я до сих пор помню восторг, который испытал, когда увидел рояль настолько близко! Я был поражен и восхищен, когда учитель нажал на клавиши и нутро этой черной машины вдруг отозвалось музыкой. Я так обрадовался, что стал подпевать, когда музыкант вдруг остановился и попросил меня пропеть мелодию, которую он сыграл. В тот день он взял меня в ученики. Именно он раскрыл мой талант.

– Поразительно! – ахали слушатели.

– Вы женаты? – поинтересовались газетчики.

– Я женат на музыке, – скромно улыбнулся пианист. Девушки в зале облегченно вздохнули.

– Какое совпадение! – громко заявил кто-то из зала. Толпа расступилась, дав пройти мужчине лет тридцати в костюме темно-серого цвета. – Ведь и я женат на этой особе! Дож Лансени, альтист.

Он дружественно протянул руку пианисту, Дарий учтиво улыбнулся и пожал ее. Этот брюнет со свинцово-серыми глазами вызывал симпатию.

В тот вечер они говорили о музыке, обнаружив много общих интересов, в результате чего Дож предложил устроить совместную репетицию.

Улучив момент, они сыграли вместе, и Дарий был удивлен тем, как альт дополнил его музыку. Как будто они были созданы для того, чтобы звучать дуэтом. Дарий и раньше задумывался об оркестре или о напарнике, но не решался на сотрудничество с музыкантами, так как нелегко сходился с новыми людьми. Но с Дожем все было иначе, они сразу нашли общий язык. Несмотря на то, что Дож был довольно дерзким, смелым и к тому же донжуаном, чего Дарий совсем не приветствовал, они стали друзьями и напарниками. С тех пор они путешествовали вместе.

После концертов Дож по обыкновению пропадал в питейных заведениях или в компании прекрасных поклонниц. Музыкант умело использовал свое обаяние и деньги, и девушки сами бросались к нему в объятия.

– Не понимаю, чем тебе так нравятся эти девушки? – интересовался Дарий. – У них ведь, кроме симпатичного личика, больше ничего нет.

– А что тебе еще нужно? – удивлялся Дож, закуривая сигару. – Женщины, друг мой, созданы для того, чтобы делать жизнь мужчины краше. Им не обязательно быть умными. Да я и не встречал таких. Не думаю, что они существуют.

– Существуют, – возразил Дарий, откладывая ноты, – но вот беда: их внешность меня совсем не вдохновляет. Это либо уже пожилые дамы, либо молодые, но, увы, не красавицы...

– Да-да, а наивные красотки заглядывают тебе в рот, ловя каждое твое слово, – подхватил Дож, – и покуда они готовы на все ради нас, нам остается лишь брать.

– Не знаю, Дож. А как же любовь?

– Ее не существует. Это иллюзия.

Дарий не знал, так ли это. Он много размышлял, но ответа не находил. Хоть Дож был старше, его опыт не был показательным. Дарий рос на книгах, в которых рыцари сражались за сердца прекрасных дам, но реальность оказалась слишком прозаичной. В конце концов он уверился в том, что, вероятно, одна и та же женщина не может быть красивой и одновременно с тем иметь пылкий ум, а хорошее воспитание так вообще не всем дается легко. Обманывать женщин он не хотел, но после редкой ночи с какой-нибудь красоткой всякий раз испытывал отвращение к самому себе и своей плоти.

Как бы там ни было, несмотря на столь разные взгляды на жизнь, друзья прекрасно ладили. Дож частенько подшучивал над пианистом из-за его скромности и замкнутого характера, Дарий же принимал друга таким, какой он есть: умным, отзывчивым, но при этом развратным и циничным. Их совместные концерты имели успех. Однако именно Дарий оставался душой дуэта: он сочинял музыку, а Дож добавлял к ней шарма в виде альтернативных партий. Музыканты усердно работали над новыми пьесами, не забывая оттачивать звучание старых, после чего отправлялись в путешествие, чтобы явить творчество миру. Они стали желанными гостями почти во всех городах материка. Так прошло два года, после чего Дож предложил осваивать новые земли – отправиться на Стекланные острова.

Они остановились в столице острова Мирах – городе Серпенте. О концертах еще предстояло договориться с местным управлением, которое не было готово сразу же освобождать залы для артистов, поэтому первый концерт предложили сделать благотворительным и только для учеников местной гимназии. Дож был против: все-таки они – известные музыканты и не должны растрачивать силы на детей, которые этого даже не оценят. Но Дарию эта идея понравилась. Он ведь и сам когда-то был на месте гимназистов: после такого же концерта, на который случайно попал в детстве, Дарий понял, что хочет учиться музыке.

– Знаешь, Дож, – сказал он, – возможно, теперь настал и мой черед нести свет в их детские души. Я намерен согласиться. С тобой или же без тебя.

– Хочешь сказать, что пойдешь играть для малышни один? Бесплатно?! – нахмурился Дож.

– Да. И если ты против, то придется без тебя. В конце концов, я не один год давал одиночные концерты. Если тебе настолько претит эта идея, я не могу заставлять тебя.

– Что ж, – вздохнул альтист. – Раз уж ты настроен так серьезно, то я с тобой.

Концерт в гимназии прошел отлично: учащиеся слушали музыкантов, затаив дыхание, а самые смелые даже подошли к ним после концерта, чтобы узнать, где можно обучиться их ремеслу. Мероприятие закончилось, и Дарий собрался уже идти на выход, когда заметил в зале девушку – брюнетку с густыми волосами, заплетенными на затылке. Пряди из прически длинными волнами спускались на ее плечи и спину. У незнакомки были большие синие глаза, аккуратный нос с крохотной горбинкой и красивые полные губы. Судя по строгой одежде и бумагам в ее руках, она была учительницей. Открытый и добрый взгляд девушки притягивал. Дарий помедлил, но набрался смелости и подошел к незнакомке. Девушка очаровательно улыбнулась, увидев приближающегося к ней композитора, и поблагодарила его за концерт. Она действительно оказалась молодой учительницей, ее звали Электа.

– Окажете ли вы мне честь, госпожа учительница, прогуляться со мной сегодня в парке? – спросил Дарий, не сводя восхищенного взгляда с Электы.

Щеки красавицы подернулись легким румянцем. Польщенная вниманием маэстро, она постаралась быстро взять себя в руки и ответила вежливым кивком.

Спустя час они прогуливались в парке на берегу озера и разговаривали. Дарий не мог поверить в то, что перед ним та самая мифическая девушка: красивая, молодая, образованная и скромная. Дарию казалось, что Электа сможет поддержать разговор на любую тему. Он был очарован.

– Знаешь, – говорила Электа, – когда нам сказали, что приедут музыканты, я подумала, что это будут очень гордые, надменные мастера. Обычно они такие. И я весьма удивилась, когда на сцену вышли вы с господином Лансени. Оба молодые и стройные, – Электа издала смущенный смешок. – Чаще всего ученики не очень внимательны к искусству, но вас они слушали затаив дыхание. Особенно девушки.

Они проговорили несколько часов, не заметив, как наступил вечер. Дарий проводил Электу домой. Лицо и волосы девушки освещало закатное солнце, казалось, что его лучи теряются в темных густых локонах. Взяв с Электы обещание увидеться снова, окрыленный Дарий вернулся в гостиницу.

По дороге в свой номер он заглянул в комнату Дожа. Тот на удивление был там.

– Дож, ты не согласишься, но я нашел ее!

– Кого это? – Дож оторвался от чтения газеты.

– Девушку, которой не существует! – радостный Дарий впорхнул в номер и прямо в плаще плюхнулся в кресло, обратив мечтательный взор в потолок.

Дож слушал очень внимательно и молча, со снисходительным выражением лица, с каким взрослые слушают рассказ наивного ребенка.

– Она необыкновенная, – вздохнул Дарий. – Такая умная! Просто находка. Представляешь, любит цветы какие-то необычные, как же их?.. Крокусы. Ты когда-нибудь видел такие?

– Да, – кисло отвечал Дож, – цветут весной. Маленькие, вроде подснежников, голубые, сиреневые, желтые...

– Сиреневые! Она любит сиреневые! Вот все женщины любят розы, а Электа любит эти скромные подснежники! Представляешь?

– Угу.

– Знаешь, что я думаю? Раз она так любит эти крокусы, я найду их для нее.

– Но сейчас осень, – заметил Дож, однако Дарий его уже не слышал. Он закрыл глаза и погрузился в собственные мысли, мечтательно запрокинув голову.

Вскоре для музыкантов подготовили концертный зал и сделали афиши. Вечерами после репетиций Дарий пропадал с Электой. Накануне концерта он познакомил ее с Дожем. Тот был крайне любезен и даже одарил девушку парой изысканных комплиментов, отчего Дарий почувствовал себя самым настоящим счастливым: его лучший друг и любимая девушка ладили. О чем еще он мог мечтать? Достать крокусы ему не удалось, но хозяин оранжереи сказал, что существует осенний сорт этих цветов и через некоторое время они у него появятся.

Все складывалось замечательно, но настало время покидать Серпент. Они и так сильно задержались на острове, и в другие города архипелага уже успели прийти письма с афишами от музыкантов. Там их давно ждали и подготовили для них залы и апартаменты. Уезжая, Дарий дал обещание Электе вернуться сразу после завершения гастролей.

В разлуке он сильно скучал по девушке, а привязанность к ней только усилилась, несмотря на расстояние. Своими размышлениями он часто делился с другом. Дож отличался умением слушать, однако после каждого монолога Дария об Электе становился все задумчивее.

Вернувшись в Серпент, Дарий первым делом навестил хозяина оранжереи, а после – лавку ювелира.

Стояла та особенная осенняя пора, какая бывает в середине октября, когда дни еще согревают остров теплом, а ночи сковывают его первыми морозами. Дарий надел свое любимое темно-синее пальто и бордовый шелковый шарф, что подарила ему Электа в день, когда они с Дожем уезжали.

Дарий устроил для нее настоящий сюрприз: приехал за ней в дилижансе, запряженном двумя вороными, и отвез в то самое место в парке, где полтора месяца назад они впервые прогуливались вместе. Дарий вышел сам и подал руку Электе, после чего они отошли от колеи ближе к озеру. Вода в нем, подернутая легкой рябью, искрилась в лучах закатного солнца. Экипаж остался стоять рядом.

Дарий крепко обнял Электу и погладил по длинным волосам.

– Как же я скучал... – прошептал он.

В ответ Электа прижалась лицом к его груди. Дарий поцеловал миниатюрную девушку в макушку и подал знак кучеру. Тот вытащил корзину с крокусами и, поставив ее за спиной у Электы, бесшумно вернулся в повозку.

– Электа, – музыкант отстранил ее за плечи и, глядя прямо в глаза, продолжил, – ни минуты, что я был далеко от тебя, я не сомневался в своих чувствах, как не сомневаюсь и сейчас, – после короткой паузы его голос сорвался на взволнованный и быстрый шепот. – Я верю, нет, я чувствую, что ты испытываешь ко мне то же самое. И я не вижу смысла ждать. Я люблю тебя и хочу, чтобы мы всегда были вместе. Но я должен знать точно. Я должен знать: а ты любишь меня?

– Да! – глаза Электы наполнились слезами. – Я тоже тебя люблю!

Дария словно пробил разряд тока от услышанного. В глубине души он верил, что Электа скажет эти самые слова, даже представлял, как это случится, но реальность оказалась во много раз ярче. Тогда, сам не свой от счастья, он впервые поцеловал возлюбленную, и поцелуй этот отозвался в каждой клеточке его тела радостью. На миг ему показалось, что он летит, парит над землей, абсолютно невесомый и бестелесный. Он позабыл обо всем лишь на минуту, но та показалась ему бесконечной, однако мурашки, пробежавшие по затылку, вернули Дария на землю.

– Обернись, любимая, – сказал он, держа Электу за руку, – посмотри вниз.

Электа обернулась и ахнула, увидев корзину с цветами.

– Где ты их достал? – радостно воскликнула она. – Ведь сейчас не сезон!

– Я узнал, что их бывает много видов, – Дарий по-детски счастливо улыбался, – именно этот – осенний. Кстати, на моей родине его называют шафраном.

– Как?

– Шафран.

– А ведь они чуточку отличаются от тех, что я видела раньше, – Электа взяла корзину в руки, рассматривая цветы. – Гляди, какие у них необычные рыльца, бордовые, как твой шарф! И лепестки синие, почти как твоё пальто... Да ты сам как шафран! – она звонко засмеялась. – Правда! Гляди сам!

В сумерках цветы и впрямь казались синими.

– Там кое-что есть в корзине, – лукаво улыбнулся пианист.

Электа посмотрела внимательней и среди тонких листочков обнаружила маленькую коробочку. Открыла ее и увидела серебряное кольцо тонкой работы. Две изящные веточки огибали небольшой синий камень. Синий, как ее глаза.

– Электа, – позвал Дарий, – ты будешь моей женой?

– Женой?.. – выдохнула Электа и тут же шепотом ответила: – Конечно же да, мой Шафран!

Дарий не мог уснуть всю ночь, думая об Электе. Он отвез ее домой, а вернувшись в отель, хотел по обыкновению поделиться новостью с Дожем, но того не оказалось в номере. Дож любил вечерами ошиваться в шумных барах и других подобных местах. Он обладал яркой внешностью: его темно-серые глаза и чуть смуглая кожа являли собой необычное сочетание. Свои кудрявые каштановые волосы он собирал лентой на затылке, но непослушные завитки постоянно падали на лицо. Дож не был высоким и имел крепкое, но гармоничное телосложение. Дарий считал Дожа красивым, проницательным и уверенным в себе и очень ценил, что, несмотря на разницу в возрасте, общались они на равных.

Дарий задремал лишь под утро, но размышления о любви придавали ему сил, поэтому он без труда поднялся и спустился к завтраку. Дож еще спал, а Дарию не терпелось поделиться с другом новостями, поэтому он расхаживал в своем номере, постоянно прислушиваясь к звукам в коридоре – вдруг Дож проснулся и вышел, чтобы подкрепиться?

В полдень, не выдержав, Дарий сам постучал в номер альтиста.

– Что стряслось? – зевая, спросил тот и уселся в кресло.

– Друг! Я женюсь! – выпалил пианист прямо с порога.

– М-м-м... что?

– Женюсь! Я сделал Электе предложение вчера вечером, и она его приняла.

– Ну что ж, я рад за тебя, – Дож лениво закурил сигару. – И когда свадьба?

– Через месяц!

Дож неопределенно гукнул в ответ и выпустил в воздух пару дымовых колец.

– Похоже, ты все же не рад... – растерялся Дарий.

– Ну что ты, рад, конечно, – слегка улыбнулся Дож, – просто еще не проснулся. И что же, теперь она будет нас сопровождать?

– Об этом я тоже хотел поговорить с тобой, – Дарий сел в кресло и вздохнул. – Я решил оставить гастроль.

Дож поперхнулся.

– Ты бросишь музыку? – спросил он, откашлявшись.

– Нет, что ты! Конечно нет. Но я больше не хочу ездить, я хочу оседлости, семью, детей, понимаешь? У меня достаточно денег, откроем с Электой школу искусств! Она... она пишет картины, будет обучать этому учеников. А я буду учить их музыке. Наберем еще учителей... – Дарий вздохнул. – Конечно, мне жаль оставлять тебя, но ты ведь и сам знаешь, что я всегда мечтал о семье.

Дож сидел в кресле напротив, наклонив голову и подперев ее пальцами у виска. Он молчал. Сигара в его руке медленно тлела.

– Дож, ты ведь знаешь, как ты мне дорог, – продолжил Дарий, – ты мой самый близкий друг, да что там... самый близкий человек! Ты стал мне родным за эти два года. Но я наконец встретил ту, с которой буду счастлив. Я не могу удерживать тебя, но, поверь, буду несказанно рад, если ты останешься здесь, с нами. А? Станем владельцами новой школы. Что скажешь?

Дож приподнял бровь:

– Ты что, всерьез готов все бросить? Из-за... хм... женщины?

– Что ты такое говоришь? – нахмурился Дарий.

– Знаешь, я не хотел говорить тебе, – уклончиво ответил альтист, – думал, у тебя это несерьезно и ты сам прозреешь, догадаешься...

– О чем?

– Не знаю, дружище, ты так счастлив...

– Дож, говори, что хотел.

Дож встал и отошел к окну, помолчал несколько секунд и продолжил, глядя на улицу:

– Я думаю, эта девушка с тобой из-за денег. Ты влюблен и не замечаешь этого, но, поверь, у меня есть причины так считать. И мне больно видеть, как ты жертвуешь блестящим будущим из-за женщины, для которой ты – лишь средство достижения желаемого.

– Ты уже совсем сдурел со своим цинизмом! – Дарий нахмурился и нервно сжал кулаки. – Электа не такая, не путай ее со своими девками.

– Да? А что, если я скажу тебе, что твоя невеста пыталась привлечь и мое внимание тоже? Еще в прошлый наш приезд.

– Что?!

– Открой глаза! Она же обманывает тебя. Она проявляла ко мне очень неприличный интерес, но я знал, как она нравится тебе, и вовремя пресек ее попытки меня соблазнить! Думаю, она проделывает этот фокус с каждым, кто потенциально способен удовлетворить ее амбиции. И вот нашелся наконец тот дурачок, который женится на ней и решит все ее вопросы!

– Ты лжешь! – вскинулся Дарий и быстрым шагом направился к выходу. – Я не верю тебе, Дож. Если это такая шутка, то она очень глупая и злая!

Дож нагнал его у выхода и схватил за рукав:

– Не будь глупцом, друг! – тихо сказал он.

– Друг?!

Дарий отдернул руку и вышел из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Дарий вышел на улицу, застегивая на ходу пальто. Был ясный солнечный день, но обжигающе-холодный ветер давал понять, что теплые дни закончились. Он срывал пожелтевшую листву с деревьев и гнал ее неведомо куда. Листья то закручивались в маленьком вихре, то устало падали на землю, но через несколько секунд поднимались вновь, словно кружились в причудливом танце.

Дарий поднял воротник повыше и, спрятав руки в карманы, быстро направился в сторону гимназии. Проходя мимо монастыря, он вдруг заметил знакомую фигуру в саду. Девушка в длинном фиолетовом платье и темно-зеленом плаще стояла под деревьями. Дарий остановился за высокой живой изгородью, наблюдая за девушкой. Она с кем-то разговаривала, но слов было не разобрать, их уносил ветер. Без сомнений, это была Электа, а рядом с ней стоял очень высокий черноволосый, короткостриженный мужчина в черной одежде. Несколько минут они просто о чем-то говорили, а потом, к изумлению Дария, Электа бросилась к мужчине с объятиями. Высокий брюнет наклонился, чтобы Электа, едва достававшая до его плеча, смогла обнять его, и Дарий ясно увидел, с какой нежностью этот человек прижимает ее к себе. Пианист зажму-

рился из-за острого неприятного чувства, возникшего в груди, а когда открыл глаза, Электта уже покидала сад. Черноволосый мужчина остался стоять, глядя ей вслед.

Дарий постарался успокоиться и решил догнать Электту, но встретил ее уже у самого входа в гимназию.

– Шафран! – радостно закричала она, обнимая музыканта. – Я не думала, что ты зайдешь так ра...

– Где ты была? – перебил ее Дарий, отстраняясь.

Электта изумленно заморгала. Дарий повторил вопрос:

– Где ты была, Электта?

– Я тебя не узнаю... у меня перерыв, я ходила прогуляться.

– В такой холод? – приподнял бровь Дарий. Внутри него клокотала ярость: неужели Дож был прав и Электта действительно заигрывает с мужчинами за его спиной? Кровь прилила к лицу, а ладони начало неприятно покалывать. Дарий изо всех сил старался не кричать.

– Я тепло одета, – попыталась улыбнуться Электта, – и мысли о тебе согревают меня. Что случилось? Ты сам не свой.

– Электта, я видел тебя в саду, – Дарий сглотнул, ком в горле все нарастал, мешая спокойно дышать. – Я не следил, просто шел мимо и увидел тебя. С мужчиной.

– Ах, это... – выдохнула Электта. – Я хотела сказать тебе сразу, но ты так напугал меня. Это мой близкий друг, он священник, я ходила к нему. Он согласился обвенчать нас!

– Священник?!

– Да. На нем была сутана, разве ты не заметил?

Дарий был в замешательстве. На него словно вылили ушат ледяной воды. Он нервно сглотнул.

– Ты обнимала его.

– Да! Но что ты имеешь в виду? Он же мой друг! И он согласился нас венчать, конечно же, я обняла его за это! – Электта взяла руку Дария в свои миниатюрные холодные ладони. – Ты что, ревнуешь меня? – она смотрела ему прямо в глаза. – Ревнуешь к священнику?

Дарий смутился, ком в горле перестал нарастать, но щеки все еще пылали, а тело цепенело от ее прикосновений.

– Он... он обнимал тебя как мужчина. Не как друг. Я тоже мужчина и хорошо это вижу. Он влюблен в тебя, Электта. – Дария все еще трясло: зерно сомнения, посаженное Дожем, теперь пустило корни. – Так может, и ты в него?

– Ах, Шафран-Шафран! – расхохоталась Электта. – Как же ты меня напугал! Он? Влюблен в меня? Этого не может быть! Он же священник, и мы давно друзья. Я бы заметила! А я, поверь, люблю только тебя.

Электта нежно прижалась к Дарию, и он неловко обнял ее.

– Прости меня, я просто дурак какой-то. Наверное, мне показалось.

Однако в глубине души Дарий знал, что не показалось. Успокаивало лишь то, что высокий брюнет оказался священником, а значит, с Электтой быть точно не смог бы. Она пообещала в скором времени представить Дарию друга и хотела сделать это в день знакомства с ее родителями. Ужин назначили на следующей неделе, и Дарию не терпелось убедиться, что друг Электты для него не опасен, поэтому он очень ждал заветного дня.

С Дожем дела обстояли сложнее: видаться и говорить с ним Дарий все еще не желал, но Электта, не зная о ссоре, попросила их принять участие в творческом вечере, который организовали ее знакомые учителя музыки. Туда же она собиралась пригласить своего друга-священника, и Дарий согласился. Вечер планировался уже через пять дней. Для этого пришлось продолжить репетиции с Дожем. Его слова не выходили у Дария из головы, но он старался о них не думать. Дож, в свою очередь, неоднократно пытался помириться, однако Дарий не простил ему тот разговор и говорил с ним только по делу.

– Ты какая-то неразговорчивая сегодня, – заметил Дарий за ужином.

На улице становилось холоднее с каждым днем, и длительные прогулки стали невозможны, поэтому теперь влюбленные проводили вечера в красивом ресторанчике, беседуя за едой.

– Я волнуюсь, Фран, – Электа покачала головой.

– Почему?

– Понимаешь, я задумалась... Ты ведь талантливый музыкант и можешь обрести всемирную известность, если не бросишь свой путь. Жизнь быстротечна, годы идут, и одни кумиры сменяются другими. Но ты собираешься остаться здесь, со мной. Я боюсь, что ты можешь пожалеть о своем решении, потом... Так ли необходимо бросать гастроли?

– Любимая, если бы все эти разъезды и концерты приносили мне столько счастья, сколько я получаю его, просто находясь рядом с тобой, я бы ни минуты не размышлял об этом. Равно как я не раздумывал, когда сделал тебе предложение. Я мечтаю видеть, как растут наши дети, хочу быть с ними рядом, хочу состариться вместе с тобой. Послушай меня, – Дарий взял ее за руку, – я по горло сыт одиночеством. С тех пор как умер отец, я всегда был одинок. Дядя и тетя стали моими опекунами, но опека их заключалась лишь в том, что меня кормили, одевали да оплачивали мои уроки музыки. Об этом их просил мой отец перед смертью. Что я знаю о дядюшке? Что я знаю о тетюшке? Они не говорили со мной, они не подарили мне ни капли тепла. Думаю, они не любили детей, ведь своих у них тоже не было. Я бродил один по их огромному безмолвному поместью. Музыка и книги стали моей единственной отрадой в этом ледяном склепе. Я оставил его, как только мне исполнилось семнадцать. Позже гастроли принесли облегчение. Когда я стоял на сцене, а зрители кричали и аплодировали, я представлял, что среди этой толпы есть мои родители. Представлял, как они держатся за руки и улыбаются, глядя на меня. Но там их не было.

– О, Дарий! – Электа сжала его руку. В ее сапфировых глазах блеснули слезы.

– Я сочинял музыку, потому что не знал, как по-другому унять тоску. И, уезжая из одного города в другой, словно бежал от одиночества.

– Но почему ты не обрел друзей? А женщины... я вижу, как они смотрят на тебя, надеясь на твоё внимание, – голос Электы дрогнул. – Например, Дож не отказывает себе в общении с ними...

Дарий нахмурился.

– Мы с Дожем – очень разные люди, Электа. Хотя я нашел в его лице понимание и поддержку. Это единственный друг, который стал для меня близким, не считая тебя. Пойми, я благодарен судьбе за то, что наконец обрету покой и радость в браке, ибо я устал от бегства. Я не хочу терять то драгоценное время, которое могу разделить с тобой. В конце концов, мои дети не должны расти без отца. Мне пришлось, ведь мой отец умер. Но, пока жив, я буду рядом с семьей. Я так решил.

Электа мягко улыбнулась, но продолжала молчать.

– Это ведь не все, что тебя волнует? – догадался Дарий.

– И снова ты прав, – вздохнула Электа. – Морис... он словно избегает меня. Я оставила ему записку с приглашением на творческий вечер, потому что уже в который раз он не вышел, чтобы повидаться со мной. Я не понимаю, что могло произойти, – Электа пожала плечами. – Монахи говорят, Морис закрылся в келье и это какой-то обряд, поэтому выйти он не может. Но я подозреваю, он не хочет видаться именно со мной. Я даже не знаю, придет ли он на ужин с моими родителями, он так и не передал мне ответ. Он никогда раньше так не поступал со мной.

В момент, когда Электа заговорила о священнике, росток ревности в груди Дария пророс новыми побегами. Музыкант постарался не показывать этого чувства и нарочито спокойно ответил:

– Раз ты так волнуешься за него, я могу сходить в монастырь сам, чтобы поговорить с ним.

– Ты?..

– Да. Давай так: если он не придет на творческий вечер в четверг, я схожу навестить его на следующий день, чтобы передать твое приглашение на семейный ужин. Меня он не знает и если избегает исключительно тебя, то ко мне выйдет.

– Ты готов сделать это для меня? – удивилась Электа.

– Конечно, раз уж он тебе так дорог, – последние слова дались Дарию с трудом, но донимать Электу ревностью он больше не хотел. – Как к нему обращаются?

– Морис. Ой, нет, – спохватилась она, – отец Сагард. Так его называют.

– Дож! – Дарий стучал в номер соседа уже несколько минут. – Дож, открой.

– Эй, я здесь, – послышался голос сзади. Несмотря на раннее утро, Дож не только не спал, но даже успел откуда-то вернуться.

Он открыл номер и жестом пригласил Дария войти.

– Я решил пораньше встать сегодня, ведь у нас генеральная репетиция. Да-да, я помню, что завтра нас ждут в светском обществе, – кивнул он, увидев удивление на лице друга.

– Что ж... славно, – заключил Дарий, поворачиваясь лицом к выходу, – тогда жду тебя через час.

– Постой, – попросил Дож, – я хочу извиниться.

Он вздохнул и нервно поправил ворот рубашки.

– Я сожалею о том нашем разговоре. Я не должен был говорить так о твоей невесте. В конце концов, мне могло просто показаться. Ты ведь знаешь меня, – Дож хмыкнул, – я всегда думаю: если красивая девушка мне улыбается, то это значит, что она хочет ко мне в постель. Похоже, иногда я путаю элементарную вежливость с кокетством. Думаю, ты прав, мой цинизм приобретает нездоровый оттенок. Прости, если сможешь, друг, я не хочу, чтобы наша дружба вот так закончилась.

Дож выглядел очень расстроенным и несколько потерянным. Похоже, ссора не давала ему покоя, ведь он никогда не просыпался раньше полудня. Речь его звучала искренне, и Дарий смягчился.

– Знаешь, что важно, Дож? – сказал он. – Важно ведь не отсутствие ошибок, а умение их признать. Я рад, что мы все прояснили.

Дож вздохнул и крепко обнял друга.

Репетиция прошла хорошо, Электа заходила послушать. Дож в этот день выглядел очень взволнованным и был чрезвычайно внимателен к Электе. Она отвечала ему взаимностью, хотя ранее между ними гулял заметный холодок. Обедали они втроем, после чего Электа ушла.

Остаток вечера Дарий провел в одиночестве у себя в номере, погруженный в раздумья. Уже через несколько часов он сможет избавиться от сомнений, когда увидит друга невесты. Он убедится в том, что этот священник для него не опасен. Если, конечно, тот все-таки придет.

Дарий стоял у окна, глядя, как раскачиваются на ветру голые ветви деревьев. На город спустилась ночь, и на улице зажглись фонари.

Если Электа говорит правду насчет странного поведения священника, то ответ очевиден: он влюблен в девушку, и новость о ее скором замужестве стала для него неприятным сюрпризом. Верить в то, что Электа солгала, Дарий не хотел.

В дверь постучали. Дарий открыл, ожидая увидеть Дожа, но перед ним стояла Электа. Пианист потерял дар речи.

– Шафран! Тревожное чувство не покидает меня сегодня весь вечер. Я не могла оставаться на месте и ждать рассвета, чтобы увидеть тебя. Я... я взяла экипаж и приехала. Не сердись, пожалуйста!

Дарий не мог сердиться. Когда Электа обнимала его, он был полностью в ее власти. Ее прикосновения, ее голос, волосы, пахнущие мятой, заставляли терять контроль над собой. Дарий больше не мог сопротивляться желаниям. Обоих в ту ночь поглотила страсть. Ничего подобного Дарий не испытывал раньше: даже одна ночь с любимой женщиной смогла бы заменить тысячу ночей с другими.

Дарий проснулся гораздо позже обычного, совсем как Дождь. Электа еще спала, ее темные волосы растрепались на подушке, а рядом на тумбочке лежали кусочек угля и небольшой лист, вырванный из тетради. Дарий взял его в руки, с удивлением увидев изображение самого себя, но спящего. В этот миг он почувствовал себя очень счастливым. Электа здесь, с ним, ночью она сделала его портрет – она его любит! Ни священник, ни кто-либо другой не представляет никакой угрозы для их счастья. Все сомнения вдруг рассеялись, как дым от сигары Дождя.

С легким сердцем Дарий оделся и подошел к окну. Графитово-серое небо казалось тяжелым, готовым вот-вот упасть на землю мощным водяным потоком. Каштаны стояли совершенно голые, а их прежде желтые листья, ставшие теперь коричневыми, плотно налипли на булыжную мостовую. Вдалеке виднелись остроконечные башенки монастыря. Мир казался мрачным и неприветливым, но в душе Дария цвели крокусы: белые, желтые, синие, фиолетовые... Он смотрел на улицу невидящим взглядом, и, если бы его вдруг спросили, что творится за окном, ничуть не лукавя, пожал бы плечами.

– Мы проспали завтрак? – сонно спросила Электа, потягиваясь.

– Да, – ответил Дарий и поцеловал невесту в щеку, – но у хозяйки обычно есть запасы чего-нибудь съестного, так что голодными не останемся.

Дарий застегнул манжеты рубашки и открыл ящик тумбы, чтобы достать ленту для волос. В ящике блеснуло что-то черное.

– Это что, оружие? – испугалась Электа.

– Это? – Дарий взял предмет в руки, – Да, это револьвер – последний подарок отца. Он отдал его дяде перед смертью, а тот честно вручил мне его в день, когда я покинул его дом.

– Необычный подарок. Но почему именно... это?

– Отец был военным. Он считал, что каждый мужчина должен иметь возможность защитить себя и свою семью в случае нападения. Будь он кем угодно: военным, фермером или, как я, музыкантом. В нашем городке частенько можно было столкнуться с воровством, мародерством, разбоем.

– И ты умеешь им пользоваться? – Электа по-прежнему недоверчиво поглядывала на опасную штуковину.

– Конечно! Отец научил еще в детстве, а после дядя брал меня иногда с собой, чтобы пострелять по мишеням.

– Он заряжен?

– Да, но не переживай, здесь есть предохранитель. Впрочем, – Дарий положил револьвер обратно и задвинул ящик, – он ни разу мне не пригодился. И я думаю, что никогда не понадобится, сейчас совсем другое время. И место. Храню как память.

Одевшись, влюбленные наконец спустились на первый этаж, чтобы поесть. Дождя ждать не стали и после завтрака сразу вернулись в номер, желая посвятить друг другу еще несколько драгоценных часов.

Однако Дождь не появился и к обеду.

– До выезда осталось два часа, – заметил Дарий, проверяя время. – Видно, Дождь гулял всю ночь. Пора его будить.

Дверь в номер господина Лансени оказалась незапертой, а сам он лежал в постели. Дождь был очень бледным на вид, а лицо покрылось испариной.

– Наконец-то ты пришел... – с облегчением сказал он, увидев друга. – Кажется, у меня лихорадка, мне нужен врач.

– Почему ты не позвал меня раньше? – взволнованно спросил Дарий. – Давно ты проснулся?

– Давно. Кричать у меня не было сил. Я выходил из номера утром, стучал к тебе.

– Наверное, мы завтракали, – предположила Электа, стоя в дверях. – Дарий, я пошлю за доктором прямо сейчас.

Дарий кивнул.

– Я был совсем слаб, – продолжал Дож, – лестницу мне было не осилить, поэтому я вернулся сюда, оставив дверь незапертой. На случай, если отключусь, чтобы ты нашел меня.

Дарий положил ладонь на лоб Дожа:

– Ты прав, у тебя жар. Все будет в порядке, не волнуйся, доктор скоро придет.

Но доктора не было. За ним отправили сына хозяйки отеля, но он вернулся с неутешительными новостями: лекарь уехал в деревню и вернется только к ночи. Помощница в его аптеке обещала, что передаст просьбу заехать и осмотреть больного, но случится это не раньше десяти вечера.

– Тогда сегодня мы никуда не поедem, – сказал Дарий, – мы не оставим тебя здесь одного.

– Нет, друг, ты должен ехать один, – ответил Дож, – они будут ждать. Ты и сам отлично справишься, нельзя подводить людей. Ведь так, Электа?

– Вынуждена согласиться с Дожем, – вздохнула она. – Вечер устраивали ради знакомства с вами обоими. Но, раз Дож болен, должен поехать хотя бы ты. Тогда я останусь, побуду с Дожем и дождусь доктора.

– Да, да, – Дож даже привстал на постели, – поезжай. Мы ведь все прекрасно понимаем, что они ждут именно твоего участия, хотят услышать твою музыку. Ну а я... я поеду в следующий раз.

– Поезжай, дорогой, – Электа встала и обняла жениха. – Все будет хорошо. Если Дожу что-то понадобится, я буду рядом.

– Позаботься о нем, – попросил Дарий и добавил шепотом: – Я счастлив, что ты есть у меня.

Музыкант вышел из отеля и сел в экипаж. Дождь щедро поливал улицы, излишки воды шумно стекали в придорожные канавы. В душе Дария смешались два чувства: беспокойство за Дожа и радость оттого, что у него есть близкий друг, почти брат, и любимая женщина. Судя по тому, что Дож вел себя довольно оживленно, настаивая на поездке Дария в одиночку, пианист сделал вывод: друг вскоре поправится. Беспокойство уступило место эйфории и упоению, и Дарий любовался грозой, глядя в окно.

Вечер прошел прекрасно. Дарий познакомился с другими музыкантами из Серпента, а также с певцами и художниками. Он пребывал в хорошем настроении и только к концу вечера подумал про священника, о котором не вспоминал с самого утра. Друг Электы так и не появился. Это значило, что утром Дарий сам пойдет в монастырь, как и обещал.

Возвращаясь домой, он размышлял о новых возможностях, которые открывались ему теперь в этом городе. Здесь хватало музыкантов, желающих получить работу в новой школе искусств Дария и Электы, а значит, этим планам суждено было сбыться.

Было уже поздно, и, по подсчетам Дария, доктор уже должен был приехать в отель. Пианист поднялся по лестнице и постучал в номер Дожа. Дверь не открыли, но внутри слышалась возня. Дарий дернул ручку, было не заперто, и дверь со скрипом открылась.

Увиденное заставило Дария потерять дар речи. Дож по-прежнему лежал в постели, но уже не один. С ним была Электа! Ее полуголоое тело прикрывала простыня, а прелестная головка лежала на груди у альтиста. Правой рукой Электа обнимала его за талию. Потрясенный Дарий попятился, зацепив трость Дожа, которая стояла у входа, и та с грохотом упала. Электа зашевелилась и открыла глаза. Дож увидел Дария и спешно поднялся, обмотав вокруг бедер покрывало.

– Друг, прости! – дрожащим голосом сказал он.

Электа растерянно озиралась, прикрывая тело простыней. Они явно не ждали Дария так рано.

Пианист молча развернулся на каблуках и вихрем бросился к лестнице, где его настиг Дож.

– Я не должен был! – Дож схватил Дария за запястье. – Она... она снова полезла ко мне с поцелуями, пойми, я не смог противиться больше... красивая женщина... я был не в себе, прости!

Дарий в бешенстве отдернул руку, оставив Дожа одного на ступеньках, так и не сказав ни слова в ответ.

Он вышел на улицу и быстро зашагал по извилистой мостовой. Ливень давно кончился, и воздух наполнился свежестью. В небе зажглись первые звезды. Дарий шел настолько быстро, что не заметил, как миновал монастырь и старое кладбище, он шел и шел. Хотелось просто исчезнуть, забыть обо всем. Шагая, он словно бежал от самого себя, от мыслей, воспоминаний, боли. Из темноты вдруг послышались звуки музыки, они доносились из таверны. Дарий зашел внутрь. Там было тепло и пахло спиртным. Музыкант нашел свободный стул за барной стойкой и, рухнув на него, заказал виски.

Первый бокал он выпил залпом, второй тоже, а после и третий. За баром зашушукались. Дарий, прежде почти не употреблявший спиртного, оставался совершенно трезвым.

Он никак не мог поверить в увиденное. Лучший друг и Электа. Оба предали его в один день. И, получается, Дож не врал, когда говорил, что Электа соблазняла его. А священник? Может, Электа окрутила и его тоже. А кого еще?

Конечно, Дож всегда был ужасным бабником, Дарий знал это. Друга можно было понять: он болен, не мог контролировать себя. Или... нет? Да как он мог предать напарника?! Дарий не хотел относиться с пониманием к такому поступку, слишком глубоко ранило его предательство любимой девушки и близкого друга. Дарий осушил бокал снова.

– Красавчик, не составить ли тебе компанию? – пропел в ухо женский голос. – Ты такой печальный, дай-ка я тебя утешу.

Симпатичная девушка попыталась увлечь Дария в танце, но он остался неподвижен. Алкоголь наконец подействовал, и ярость сменилась отрешенностью. Оскорбленная невниманием жрица любви возмущенно фыркнула и направилась к другому посетителю.

Мысли наконец перестали быть такими навязчивыми, теперь они рассеялись и летали во тьме в форме картинок, которые то и дело выхватывал опьяненный мозг Дария. Вот они с Электой в парке, он любит ее лицом и солнечными бликами, запутавшимися в ее локонах. Вот он делает ей предложение, а она бросается ему на шею. В голове звучит ее голос: «Да, да, мой Шафран!» Вот он обнимает ее в своей постели, отдаваясь самому сильному в его жизни чувству. Одна картинка медленно сменяется другой, словно в калейдоскопе, и в конце концов внимание Дария останавливается на последней: его любовь в постели с его лучшим другом.

Дарий закрыл лицо руками. Склонившись над пустым бокалом, он превратился в живое олицетворение боли и отчаяния, и сколько пребывал в гнетущем безмолвии, он не знал.

– Эй, парень, мы закрываемся. Ты платить будешь?

Дарий вздрогнул, убрал руки от лица и посмотрел на хозяина таверны пустым мутным взглядом. Помедлив, музыкант достал из-за пазухи бумажник и положил перед говорившим, после чего молча встал и направился к выходу.

Владелец заведения открыл бумажник и обнаружил в нем толстую пачку денег.

– Тут многовато, парень. Эй! И это... бумажник заberi! – хозяин пытался докричаться до Дария, но тот его не слушал. – Может, тебе экипаж подать? А? Далеко тебе идти?

Дарий, так ничего и не сказав, вышел из заведения.

Наступила глубокая ночь, на Серпент тихо опускался туман. Дарий брел по улице, интуитивно взяв курс на отель. Виски окончательно взял верх над измученным разумом, приостановив гнетущие думы. Город спал, где-то вдалеке на башне часы пробили два ночи. Шел Дарий медленно. Через некоторое время он остановился под старыми дубами у ажурных кованых ворот городского кладбища, где кружились, шелестя крыльями, крупные вороны. Они так изящно скользили по воздуху, словно танцевали менуэт вокруг могил.

«Как, должно быть, прекрасна смерть, – подумал Дарий, остановившись взглядом на гранитном ангеле. – Только она и дает вечный покой, избавляя от мучений и тело, и душу. Она честна, искренна, словно осень, которая обнажает деревья, давая возможность разглядеть их голые ветви. Тогда как жизнь хоть и дарует минуты, полные абсолютного счастья, в итоге взимает за них непомерную плату».

Холод действовал отрезвляюще, и к моменту, когда Дарий подошел к отелю, воспоминания последних часов вновь зароились в его голове. Дарий заглянул в окно: в холле горели лампы. Они горели всегда на случай появления ночных гостей. Но кроме сторожа в холле находилась девушка. Дарий узнал Электру. Очевидно, она ждала его. Что она хотела? Оправдаться перед ним? Нет уж, хватит лжи! Хватит притворства! Дарий больше не нуждается в самообмане, достаточно он наслушался от нее сказок.

Музыкант отвернулся от окна и, обойдя отель, вошел в него с черного хода. Хозяйка часто не запирала его, и Дарий знал об этом. Поднявшись в свой номер, он сел на кровать. От тепла кровь разогрелась, а картинки в голове замелькали еще быстрее, чем раньше. Счастливые и горестные, недавние и детские воспоминания сменяли и сменяли друг друга. С тех пор как умер отец, Дарий всегда был одинок. И он ненавидел одиночество. Что же теперь? Он имеет все, о чем только можно мечтать: деньги, положение в обществе, славу, признание, перспективы. Однако все это не избавило его от треклятого одиночества. Дож, ставший ему братом, оказался предателем, а любимая женщина – лицемеркой. Грудь сдавила невыносимая жгучая боль, а глаза защипало. Обретенное, казалось бы, счастье было ничем иным, как иллюзией, обманом, беспощадной насмешкой судьбы. Взгляд упал на тумбу, где все еще лежал листок с изображенным на нем спящим Дарием. А что, если сон – это единственное, что поможет прекратить мучения? Сон беспробудный, вечный покой и безмолвие, лишь изредка нарушаемое едва слышным шорохом черных перьев.

Дарий открыл ящик тумбы. Револьвер, подаренный отцом, лежал там. Да, пожалуй, это единственно правильное решение. Отец хотел, чтобы Дарий смог защищаться. И он защитит себя, избавившись навсегда от одиночества, от боли и зияющей пустоты внутри. Он снял револьвер с предохранителя, открыл рот и нажал на спуск.

Раздался выстрел. Дарий на секунду почувствовал сильное жжение в затылке, а потом... ничего не произошло. Он остался сидеть на краю кровати. Боль в груди прошла, а на душе стало легко и спокойно. Через несколько секунд в коридоре послышались шаги и голоса. Дверную ручку сильно подергали с той стороны, но дверь была заперта. Раздался треск, и она распахнулась, громко ударившись ручкой о стену. Дарий увидел взъерошенную хозяйку в ночной сорочке, с керосиновой лампой в руке, рядом с ней был пожилой мужчина с ломом – очевидно, плотник, – а за ними Дож и еще несколько человек. Кто-то, стоящий за спиной Дожа, вскрикнул и, судя по звукам, упал в обморок.

Хозяйка отеля в ужасе схватилась за сердце и отвернулась, ее стошнило прямо на ковер. Плотник неодобрительно качал головой, глядя в комнату и что-то бормоча себе под нос. Дож нервно провел рукой по волосам, другой вцепившись в дверной наличник.

– Черт тебя дерит, Дарий... – еле слышно прошептал он. – Что же ты наделал?..

Дож закрыл глаза рукой и, облокотившись о дверь, осел на пол. Дарий оглянулся и увидел себя, лежащего на кровати с открытыми глазами. На стене напротив двери красовалось огромное пятно крови и чего-то еще, похожего на слизь и мелкие осколки черепа. Дарий при-

поднялся над собственным телом и увидел, что в его безжизненной руке, распростертой на покрывале, все еще лежит револьвер. Пианист, будто еще не до конца осознающий произошедшее, безразлично рассматривал мертвое тело, пока рядом кричали люди. Он подлетел к зеркалу, чтобы взглянуть на себя, но понял, что в нем больше не отражается. Тогда он рассмотрел свои руки и ноги. Они были точь-в-точь такие же, как обычно, но полупрозрачные. Сквозь них Дарий различал другие предметы, находящиеся в комнате. Он даже попробовал вернуться в свое физическое тело, но ничего не вышло. Кружения, о котором он слышал раньше, так и не случилось, тоннеля и врат тоже не было. Все было как всегда, но с одним отличием: он видел всех, но никто не видел его.

Не зная, что делать дальше, Дарий просто следовал за своим телом. Организацией похорон занялся Дож. Рано утром пришли гробовщики и забрали тело, омыли, привели его в порядок и одели, а потом отвезли в строящийся амбар, в который уже принесли большое кресло. Тело усадили в него. С помощью специальных стоек зафиксировали голову и придали мертвецу позу живого человека, отдыхающего в кресле. Лицо Дария загримировали, а глаза открыли, приклеив веки так, чтобы они не закрывались. Последний штрих внес Дож – он завязал на шее Дария платок, чтобы прикрыть кольцо держателя, фиксировавшего шею.

После в амбар вошел высокий тощий человек с тщательно замотанной в шарф шеей. Вслед за ним внесли большой холст и чемоданчик.

– Я не буду работать в таком холоде! – возмутился верзила. – Почему бы не отнести модель в более теплое место?

– Сколько времени вам необходимо, чтобы написать портрет моего друга в полный рост? – холодно спросил Дож.

– Хм... – художник нахмурился, – во весь рост! Такой смогу сделать за три дня.

– Боюсь, в теплом месте за три дня с телом произойдут непоправимые изменения, – вкрадчиво заметил Дож. – Вы получите двойной гонорар, теплую одежду, горячую еду, чай и кофе, если завершите портрет за два дня и в этом амбаре.

Художник задумался, но в ответ отрицательно покачал головой.

– Хорошо, три гонорара, – Дож повысил ставку. – Я слышал, вы мастер своего дела.

– По рукам! – ответил живописец. – Но с чаем пусть принесут бренди.

И работа закипела. Художник и впрямь оказался профессионалом. За сутки он позволил себе подремать от силы три часа, а в остальное время переносил образ Дария на огромный холст. Сам Дарий наблюдал за процессом, находясь за спиной мастера, замечая все большее сходство человека на холсте с самим собой. За два дня художник выпил полтора литра бренди, однако портрет к назначенному сроку был готов.

– Поразительно похож! – отметил Дож. – Он словно живой.

Похороны прошли скромно. Дож по какой-то причине не хотел шумной церемонии. Среди пришедших Дарий заметил много незнакомых людей. В крематорий внесли портрет, поставив у изголовья гроба. Дож сказал несколько слов в честь безвременно ушедшего друга, а пожилой священник прочел нужные слова. Гроб закрыли и отправили в печь. И тогда Дарий что-то почувствовал. Впервые за дни, проведенные вне тела, он испытал волнение. Пока у него была возможность видеть свое бездыханное тело, он оставался безразличен к происходящему. Но как только гроб отправили в огонь, Дарий почувствовал... страх! Он ощутил себя абсолютно голым и потерянным. Взгляд упал на портрет – вот он, привычный облик, так напоминавший его при жизни. Лишь только эта мысль промелькнула в его сознании, мгновение – и Дарий оказался внутри рамы. Страх прошел, музыкант испытал облегчение, будто обрел новый дом.

Глава 3. Надежда

– А потом? – спросила Ева. – Как портрет оказался здесь?

– Его продали, – ответил Дарий, задумчиво наблюдая за языками пламени в камине.

– Кто? Дожд?

– Нет, – призрак выглядел отрешенным, словно мыслями еще был в прошлом. – Дожд вскоре умер. Портрет получили его родственники, а они выставили холст на аукцион. Портрет часто перепродавали, перевозили, пока его не приобрел один человек. Тот, у которого ты купила этот дом. Так я оказался тут.

– А что случилось с Дожем?

Дарий молчал, словно не хотел вспоминать о друге. Свечи вдруг потухли и тут же снова зажглись. Ева оглянулась в поисках источника сквозняка, но, кажется, все было закрыто. Тогда Дарий нарушил молчание:

– Он всегда любил выпить. Но после моей смерти стал пить еще сильнее. Приблизительно через месяц с ним случилась трагедия: пьяным, Дожд прилег на софу и по привычке закурил сигару. Уснул с ней, но в какой-то момент выронил ее и погиб в пожаре.

Ева охнула.

– После моих похорон портрет принесли в номер Дожа, – продолжал Дарий. – Ох и досталось хозяйке того отеля! Сначала туда постоянно приходили газетчики – взять интервью у Дожа, это ж какая сенсация! А потом пожар, в котором он и умер. – Дарий сел в кресло, откинувшись на спинку. – Выпало им бед, конечно. Это не говоря уже о том, что они пережили, когда в их заведении застрелился я.

Ева молчала, пораженная рассказом. Ей сильно хотелось задать еще один вопрос.

– А та девушка? Что с ней? – осторожно уточнила Ева.

Дарий пристально посмотрел на собеседницу. Взгляд этот был долгим и тяжелым, и Ева увидела, как пламя из камина отразилось в глазах призрака.

– Я больше никогда ее не видел. На мои похороны она не пришла. И потом, понимаешь, я не сразу понял, что оказался пленником портрета. Я все видел, но не мог больше перемещаться, только если вместе с холстом, если его куда-то переносили. Именно поэтому я знаю, что случилось с Дожем. Но Электра, – Дарий сделал паузу, – нет, она не приходила к нему. Со временем

я научился покидать портрет на небольшие расстояния: комната или дом, например. Но этим мои передвижения ограничиваются. Я так и не узнал, почему она так со мной поступила.

Ева сочувствовала призраку. Трудно было подобрать слова утешения, да и нужны ли они ему? Ева не знала ответа. Само по себе ее общение с мертвецом было странным, но в глубине души она была рада этому необычному знакомству.

– Тебе больше не придется быть одному, – сказала Ева, – это и твой дом тоже! Скоро вернутся мои друзья и... я устраиваю праздник на днях. Я хочу, чтобы ты тоже присутствовал.

– Да-а, на праздниках я не бывал уже лет двадцать, – усмехнулся Дарий, – а что за повод?

– Мой день рождения! – счастливо улыбнулась Ева. – Придут мои друзья. Я вас познакомлю. Ты видел их: один на первый взгляд сумасшедший, а второй – моряк.

– С удовольствием познакомлюсь с ними лично, – улыбнулся Дарий. Наконец на его лице появилось что-то похожее на радость. – Только есть одно «но».

– Какое?

– Я могу выходить из портрета лишь только после захода солнца. И должен возвращаться в него к рассвету.

– Почему?

– Если бы я знал!..

– Что ж... тогда я устрою праздник ночью! – не растерялась Ева.

Дарий счастливо замерцал и широко улыбнулся. Впервые за последние двадцать лет.

За окном давно взошло солнце, но Ева вставать не желала. Она проговорила с Дарием почти всю ночь, и лишь веселое щебетание птиц за окном заставило ее подняться. Птицы прилетали в сад, чтобы поживиться целебными ягодами, которые Ева с трудом растила на продажу.

Отогнав стайку синегрудых птах, она собрала поспевшие ягоды в стакан и ворча вернулась в дом. В гостиной, окинув портрет недоверчивым взглядом, Ева на минуту усомнилась в том, что произошедшее ночью ей не приснилось. Но паркет, испачканный воском, служил доказательством того, что случившееся – правда. Ева кивнула портрету в знак приветствия и занялась завтраком.

Капитан с братьями, должно быть, уже прибыли в Гланбери. В лучшем случае они вернутся рано утром, а значит, увидеть их сегодня не удастся. Для Евы все еще оставалось загадкой, как Стром умудряется пересекать большие расстояния так быстро, пусть даже по морю. Обычными судами из порта Сомнуса до Гланбери добираться было не меньше двух суток, тогда как Строму требовалось на это не более восьми часов. «Магия, не иначе», – думала Ева. И это предположение не было лишено смысла, ведь капитан с Шутом бороздили моря исключительно в поисках полезных магических артефактов.

Покончив с завтраком и разложив ягоды сушиться на чердаке, Ева вышла на улицу. День обещал быть жарким, как и полагается в конце июля. Пахло цветами, над пышными кустами шиповника гудели шмели. Дом Евы стоял на холме, окруженный живой изгородью и частично каменным забором. От дома к большой дороге вела тропа, вымощенная камнем. Ева спустилась к подножию холма, повернув по мостовой направо, к рынку. Сомнус широко раскинулся на холмах и предгорьях, представляя из себя малоэтажный, но крупный город-порт с выходом в Ласнорское море. Жаркими в Сомнусе были только два месяца: июнь и июль. В остальные стояла приблизительно одинаковая зябкая погода с туманными днями и ночами. Туман легким покрывалом стелился по земле даже в солнечные дни.

Возвращаясь из лавки, Ева обдумывала предстоящую встречу с друзьями и их знакомство с призраком. Как они отнесутся к такому соседу? Смогут ли подружиться с ним? Знал ли что-то капитан, расспрашивая Еву о доме раньше? Переходя мостовую, боковым зрением она заметила что-то, стремительно надвигающееся сбоку, и вовремя отскочила назад, едва не попав под колеса экипажа. Возможно, ночь без сна сказалась на внимательности, но Еве показалось, что повозка появилась совершенно бесшумно и буквально из воздуха. Не удержав равновесия, Ева упала и выронила из рук сумку. По мостовой яркими шариками раскатились апельсины. Возница, резко остановивший коней, быстро спрыгнул с дрожек.

– Ты не ушиблась?

Мальчик-альбинос лет пятнадцати испуганно склонился над Евой, глядя на нее широко распахнутыми от удивления глазами. На незнакомце были странные длинные одежды серебристо-серого цвета. Его кудрявые белесые волосы топорщились в разные стороны, а большие сиреневые глаза изумленно таращились на Еву. Экипаж, запряженный двумя серыми конями, также был серым, словно сотканным из тумана.

– Откуда ты вообще взялся? – сердито буркнула Ева, поднимаясь на ноги.

– Меня зовут Треор, – мальчик неуверенно протянул Еве руку в знак знакомства, но она жест не оценила.

– Лучше помоги собрать апельсины, Треор, – проворчала Ева, отряхиваясь.

Мальчик замешкался.

– М-м-м, сейчас, коней успокою только.

«И чего их успокаивать? – думала Ева, собирая фрукты с земли. – Стоят себе спокойно. Странный он какой-то».

Сложив все в сумку, Ева собралась было уйти, но Треор, не отходя от лошадей, окликнул ее вновь:

– Послушай! Извини, что так вышло. Я не думал, что ты... я просто не... просто тебя не увидел. Как тебя зовут?

– Ева.

– Сколько тебе лет?

– Что?! – опешила Ева. – Какое это имеет значение?

– Эм-м... – Треор выглядел взволнованным. – Ты похожа на одного человека, я подумал...

– Завтра мне исполнится двадцать, – бросила Ева.

– А-а-а...

Ева вопросительно посмотрела на мальчишку.

– Нет, я ошибся. Да, ошибся, – он нервно почесал нос-картошку.

Ева хмыкнула и уже ступила на дорожку, ведущую к дому, когда Треор прокричал ей вслед:

– Еще встретимся, Ева!

Она не спеша и нехотя обернулась, но повозки на мостовой уже не было.

– Почему ты уехала из Гланбери? – спросил Дарий. – Ведь твои родные остались там? Стемнело. Ева сидела в кресле в гостиной, беседуя с призраком.

– Они остались, потому что у них там своя пекарня. Они завязаны общим делом с местным мельником и не могли уехать. А я... как ни странно, я уехала из-за одиночества.

– Это как?

– В городе меня считали... – Ева смутилась. – Считали сумасшедшей.

– Ты не похожа на сумасшедшую, – заметил Дарий.

– Это сейчас. А вот свое детство я почти не помню. Мама не любит обсуждать это, да и я побаиваюсь ее спрашивать. Знаю только: что-то случилось, когда мне было шесть, и родители

обратились к местной знахарке. Точнее, ведьме. Та, по словам матери, спасла мне жизнь, но воспоминания о детстве стерлись, словно их не было. В городке со мной не общались, называли чокнутой, – Ева вздохнула. – Я всегда гуляла одна. Единственное место, где мне не было так одиноко – это кладбище. Мне нравилось думать, что надгробные камни – мои друзья.

– Звучит жутковато, – улыбнулся Дарий.

– Наверное, – Ева пожала плечами, – но мне было скучно. Я играла с ящерицами, которых на кладбище было очень много. Такие вот были у меня друзья, потому что люди меня избегали. Когда я выросла, то поняла, что не хочу заниматься выпечкой, хотя всегда помогала родителям на кухне. К тому же мое присутствие там отпугивало некоторых посетителей, портило репутацию пекарни. Хотя я все равно не понимаю почему, ведь Раснария, например, тоже странный, но это никого не смущает. Он говорил, в детстве над ним смеялись, но чтобы бояться?

– И из-за этого ты решилась переехать?

– Да! А как бы поступил ты? Вокруг тебя полно людей, но все либо делают вид, что не замечают, либо опасаются подходить к тебе близко. А за глаза зовут чокнутым.

– Последние несколько лет у меня похожая ситуация... Правда, меня действительно никто не видел до тебя. Но, пожалуй, ты права. Если бы такое было с детства, я бы уехал туда, где меня никто не знает.

– Так я и сделала. Мои друзья не знают, почему я покинула Гланбери. Ты единственный, кому я рассказала.

– И я сохранию твой секрет, – заверил призрак. – А лекарства, за которыми они поехали? Для чего они?

– Сколько себя помню, я пью их регулярно. Мать снабжает травами та знахарка. Ну, что спасла меня четырнадцать лет назад. Она говорит, что если я не буду их пить, то мне и другим людям будет угрожать опасность.

– Какая странная болезнь, – заметил музыкант.

– Похоже, это не просто болезнь, – вздохнула Ева. – Однажды мы с матерью вместе ходили к ведьме. Мне велели остаться на улице, я скучала, рисовала палкой на земле. На руку мне сел красивый жук: красный с черными круглыми пятнами на спинке. Я побежала в дом, чтобы показать маме, но, подойдя к двери, услышала, как ведьма говорила, что подготовила для меня свежие цветы, чтобы заблокировать проклятье. Я сильно испугалась. По дороге домой я спросила маму об этом, но она велела мне молчать.

В этот раз они проболтали почти полночи, и часам к трем Ева почувствовала себя очень уставшей. Призрак остался в гостиной один. Он устроился в кресле, наблюдая за догорающими поленьями. Не знаящий сна два десятка лет, он уже успел подумать обо всем на свете. Но с появлением новой подруги в его голове зародились свежие мысли. Что, если она согласится помочь узнать правду: почему Электа так поступила с ним? Ева казалась ему доброй и участливой. К тому же она прекрасно понимала тяжесть одиночества. Душа Дария ожесточилась за последние годы, и он отчаянно нуждался в друге и был благодарен судьбе за такой подарок. В задумчивости он провел остаток ночи, сидя в темной гостиной, в очаге которой яркими пятнышками светились тлеющие угли.

Ева проспала почти весь день. Проснувшись, она, по обыкновению, обошла сад, после чего вернулась в дом и до вечера раскладывала высушенные травы в баночки, прикрепляя к ним бирки. Ева нервно поглядывала на часы: по ее подсчетам капитан с Цербером – так Раснарию с намеком на «трехглавость» в шутку называл Стром – уже должны были вернуться. Они обещали быть с ней в ее день рождения. А она обещала Дарию познакомить его с друзьями. Погруженная в свои мысли, Ева буквально подпрыгнула на месте от сильного стука в дверь.

– С днем рождения! – проорал капитан с порога, обнимая ее.

За ним с коробкой, обвязанной джутом, стоял улыбающийся Раснар.

– Это от твоих: передали праздничный пирог! – пояснил он. – Поздравляю!

Ева обняла друзей, забрала у Раснарии пирог и открыла коробку.

– М-м-м-м, с малиной... мой любимый, – Ева втянула носом аромат. – Как пахнет! Домом... ну входите, входите.

– Какие запахи... – принялся капитан, входя в гостиную.

– Да, – Ева указала на стол, – раскладываю травы на продажу.

Стром присвистнул и поспешил открыть окно, чтобы впустить свежий воздух.

– Да ты самая настоящая травница, – заметил он. – А ты не заболела? У тебя уставший вид.

– Нет, – отмахнулась Ева, – все хорошо. Как мои родители?

Капитан достал из-за пазухи конверт.

– Передали тебе письмо.

Из прихожей послышались сердитые голоса: Раснария о чем-то спорил с Шутом. Выглядело это так, словно он говорил сам с собой, но разными голосами, яростно при этом жестикулируя и переминаясь с ноги на ногу.

Ева взяла конверт из рук капитана и тут же открыла.

«Любимая наша дочь! Прежде всего: с днем рождения! Мы с отцом желаем тебе отметить день появления на свет радостно и беззаботно! Нам приятно видеть, что ты не одна в незнакомом городе: мы очень рады, что тебе удалось найти друзей, хотя их возраст и род деятельности стали для нас неожиданностью. Конечно, ты никогда не дружила со сверстниками, но мы, увидев на пороге дома двух бравых моряков, откровенно говоря, потеряли дар речи. И хоть они и показались нам людьми порядочными, не забывай о том, что могут подумать люди: молодой незамужней девушке не пристало приглашать в дом мужчин. Или, может, кто-то из них – твой жених? Дай знать в следующем письме.

Ева, мы сильно испугались, когда прочли письмо и узнали о том, что случилось с твоим лекарством. Я ходила к госпоже Мэв, но та сказала, что эти цветы она сеет летом. И силу свою они набирают к зиме. Когда умирают другие растения, эти наливаются целебной силой, цветут, а после формируют коробочки с семенами. Я купила у знахарки эти семена, они в конверте вместе с письмом. Цветы называются нондиверы. Их необходимо посадить на северной стороне, ночью. Зацветут они осенью, до первого снега, а когда появятся семена, будут готовы к сушке. Мороза они не боятся.

Госпожа Мэв сказала, что отдала тебе все свои запасы в прошлый раз, но она нарвала свежих, пока еще незрелых растений, их отдаст тебе твой друг. Высуши их сама. Мэв не уверена, что они подействуют, но надеется на это, и тогда до нового урожая нондиверов этого скромного запаса тебе хватит.

Пожалуйста, будь аккуратнее с лекарством, больше у нас его нет. И не забудь посеять их как можно быстрее.

Напоследок скажу, что мы с отцом до сих пор не смирились с твоим решением уехать из Гланбери. Дай нам знать, если будет слишком тяжело или если ты захочешь вернуться. Двери нашего дома для тебя всегда открыты.

Целуем, твои родители».

Ева задумчиво сложила письмо и посмотрела на капитана. Тот понял взгляд без слов и достал из сумки крупный сверток. В ткань были завернуты цветы, точнее, пока только длинные стебли, без бутонов.

– Надо же, – Ева взяла один из мясистых побегов пальцами, – они и в самом деле белые... Я думала, они становятся такими только после сушки.

Растения имели плотный стебель и крупные резные листья, напоминающие олени рога. Весь цветок покрывал белый, едва заметный пушок. Растение источало тонкий, чуть слышимый аромат. Аромат приятный и ни на что не похожий – Ева знала его с детства: он действовал

на нее успокаивающе. Она вытащила один цветок и положила на стол, а остальные завернула в ткань, обхватив сверток руками.

– Кто пойдет со мной на чердак? Темнеет. Нужно, чтобы кто-то мне посветил.

– Я пойду! – в гостиную своей обычной, расслабленно-хулиганской походкой вошел Шут.

Неожиданно для себя Ева обрадовалась. Киран редко появлялся, и она, несмотря на противоречивые к нему чувства, все же скучала. Раснар тоже был ее другом, но являлся совсем другим человеком: серьезным, самоуверенным и упрямым. Ева даже допускала, что он мог быть жестоким, если потребуется. Сомбер – романтик до мозга костей, погруженный в мир внутри себя. Но Шут... загадочный, ехидный арлекин, скрывающий за своим ребячеством, вероятно, что-то очень личное. А может, и нет. Однозначно Ева поняла одно – дураком Шут точно не был.

Он зажег свечи и взял канделябр. Освещая ступеньки, они поднялись наверх.

– Ты давно не заходил, – Ева пыталась побороть неловкость, раскладывая цветы на сушилке.

– Были дела, – небрежно ответил Шут. Он поставил подсвечник рядом и тоже принялся раскладывать цветы.

Ева вспыхнула, вспомнив про похождения Шута в порту. Это их он называет делами?!

– Это ка... – Ева осеклась на полуслове: Шут опустил руку в сверток, чтобы взять цветок, но его пальцы вместо цветка ухватили ее руку.

Сердце Евы отбило барабанную дробь, она задержала дыхание и, ведомая чувством, чуть подалась вперед. Их взгляды встретились. Шут улыбнулся и легонько сжал ее ладонь.

– Окажи мне услугу, – сказал он, поднеся ее руку тыльной стороной к губам.

– Какую? – голос Евы предательски дрожал.

– Ты как-то говорила, что увлекалась древними рунами.

Что?! К чему он клонит?

– Разве нет? – Шут склонил голову набок и прищурился.

– Э-э... да.

– Понимаешь, – Шут отпустил руку Евы и принялся шагать по чердаку легкой танцующей походкой, – я, кажется, влюблен. Но та девушка, моя избранница... Я не пойму, взаимны ли мои чувства, – он повернулся. – Ты ведь можешь спросить это у камней?

«Вот дура! – подумала Ева. – Опять размышлялась... и с чего вдруг?! Ведь это было очевидно! Дура!»

– Могу, – мрачно ответила она и, отвернувшись к сушилке, сделала вид, что поправляет цветы, чтобы Шут не увидел, как от стыда пылает ее лицо.

Разложив растения сушиться, Ева с Шутом спустились в гостиную, где капитан уже снимал с огня чайник. Он заварил чай для себя и для друга. Ева же срезала несколько листьев с нондивера, оставшегося на столе, положила в свою кружку и залила кипятком.

– Раскинешь камушки, именинница? – напомнил Шут.

Радость, охватившая Еву в момент, когда в гостиной появился Шут, теперь сменилась нервозностью и раздражением. Может, он только ради того и явился, чтобы узнать правду о чувствах другой девушки? Уж лучше бы с ними был сегодня Сомбер! Он, конечно, большую часть времени молчит, зато красиво играет на лютне.

Ева достала из серванта синий мешочек, развязала его и протянула Шуту.

– Подумай о ней, вытяни три камня и дай их мне, – сухо скомандовала она.

Солнце уже скрылось за горизонтом, и на город опускались сумерки. Ева поглядывала на портрет, ожидая появления Дария, надеясь, что он развеет своим присутствием возникшее в воздухе напряжение. Шут все еще ковырялся в мешке, перебирая камни пальцами. Камушки звонко стучали друг о друга. Наконец он вытащил один, через некоторое время второй и третий – гладкие сиреневые аметисты.

Ева взяла первый, оценивая символ, начертанный на нем.

– Первый камень расскажет о твоих чувствах. Этот знак, – Ева показала Шуту символ, – говорит о серьезных чувствах. Не о влюбленности, не о похоти, а об искренней любви.

Ева сглотнула. Шут действительно кого-то искренне любит. Кого-то другого. Но разве можно было упрекать его в том, что он полюбил не Еву? Грудь сдавило, а на глаза навернулись слезы. Нет! Она должна взять себя в руки! Слезы для слабаков!

– Это настоящие чувства, которые... – Ева запнулась, но сделав усилие, продолжила: – ... которые нужно беречь. За такую любовь стоит бороться.

Послышался смехок.

– Шут влюбился? – изумился Стром. – Ни за что не поверю! Ха-ха-ха!.. Не привирают ли твои камни, девочка?

«Хотелось бы», – вздохнула про себя Ева, ведь камни обычно давали верные ответы.

– Ну, что там дальше? – поторопил Шут.

– Второй камень расскажет о ее чувствах к тебе.

Ева рассмотрела символ. Сомнений нет: чувства Килана взаимны. Что же делать? Сказать ему правду – значит, собственноручно подтолкнуть его в объятия той девицы и самой потерять надежду на взаимность. Соврать? Ревность подсказывала, что этот вариант более разумный с точки зрения ее личных интересов. Ева вспомнила недавний разговор с капитаном: «Неуемная жажда власти, денег и любви могут оправдать любое безумство». Что ж, соврать сейчас – значит, совершить безумство. Это претило ее собственным убеждениям относительно чести и достоинства. Ложь запятнает ее совесть, а Шута, возможно, сделает несчастным. Могла ли она так с ним поступить? Имела ли на это право? Очевидно, что в этой борьбе ей не победить при любом раскладе. Так к чему лгать?

– Она тоже любит тебя, – тихо сказала Ева, и тысячи кошек заскребли в ее душе от этих слов. – Твои чувства взаимны, не сомневайся.

Шут задумчиво уставился на огонь в камине. Он хмурился, а вся его поза выражала смятение, доселе ему несвойственное.

– Что-то еще? – уточнил он.

– Да, – Ева потянулась к последнему камню, – третий символ: он расскажет о возможности вашего союза. Проще говоря, будете ли вы вместе.

Шут резко повернулся и забрал камень у Евы, бросив его туда, откуда вытащил.

– Достаточно того, что мы уже узнали, – улыбнулся он и тут же ехидно добавил: – Да и врут они все, камушки твои. Или же ты не умеешь по ним читать, – он ухмыльнулся и привычно сощурился.

Ева сердито фыркнула. Шут начинал ее бесить.

– С чего это такой вывод?!

– Нет у меня никаких серьезных чувств, ни к кому. И любви никакой нет, – отрезал он.

– Зачем спрашивал тогда?! – прикрикнула Ева.

– Я думал, ты скажешь, как ее соблазнить поскорее, – Шут закатил глаза и засмеялся, – а ты про любовь начала!

– Узнаю Шута, – отозвался капитан, закуривая трубку. – Не обращай внимания, Ева, он всегда такой дурак. Шут же!

Какой же он мерзкий! И как она раньше его не разглядела?!

«Свинья он, а не Шут», – решила Ева, убрала камни в сервант и взялась резать пирог.

Краем глаза она увидела Дария, спрятавшегося за дверь. Похоже, он незаметно выскользнул из портрета во время перепалки. Ева кивнула ему и, закончив разрезать пирог, отложила нож и откашлялась:

– Я хочу вам кое-кого представить, – объявила она. – Пока вас не было, я познакомилась с одним человеком. Сначала я испугалась его, но потом поняла, что он совсем не опасен, – Ева обернулась и позвала музыканта: – Дарий, выходи.

Дарий бесшумно вошел в гостиную. Ева едва заметно улыбнулась: ведь он мог бы просто влететь, но она знала, что ему нравилось представлять, будто его тело такое же осязаемое, каким было раньше, и все так же подчиняется всемирному тяготению. Ева ободряюще кивнула ему и повернулась к друзьям.

– Это Дарий. Он тоже живет в этом доме. Помните, вы замечали на себе чей-то взгляд раньше? Это Дарий глядел с портрета. Но мы его не видели, зато теперь все изменилось!

Дарий кивнул и улыбнулся.

– Рад познакомиться с вами!

Капитан нахмурился. В воздухе повисло молчание. Стром и Шут переглянулись. Тут Шут схватил с подоконника шляпу и прижал ее к груди, а второй рукой яростно затряс в воздухе, словно пожимал чью-то невидимую руку.

– Очень рад! О-о-очень рад, господин как-вас-там? Хотя неважно! Присоединяйтесь к нам, будем друзьями! – Шут старательно рассыпался в любезностях перед пустотой. Дарий же обошел его сзади и наблюдал за его ужимками со стороны. – Сыграем в карты?

– Что происходит?! – рассердилась Ева.

Шут уже порядком достал ее своими выходками.

– Они не видят меня, – ответил Дарий, наблюдая за расшаркиваниями Шута.

Ева растерялась.

– Как это так? Почему?

– Шут, хватит, – одернул его Стром, – это не смешно. Ева, с кем ты говоришь? Что случилось? В комнате никого, кроме нас троих, нет.

Ева нервно прикусила губу.

– Нет, нас четверо. Дарий с нами, он у камина. Вы что, совсем ничего не видите? – недоверчиво спросила она.

– Может, его видят только чокнутые? – съерничал Шут.

Ева часто слышала это слово по отношению к себе, но не ожидала услышать его от друзей. Точнее, от того, к кому была равнодушна. Этот поступок вполне можно было назвать ударом ниже пояса. Стоило ли уезжать из родных мест, чтобы и здесь прослыть сумасшедшей?

Она с укором взглянула на Шута, и в глазах ее блеснули слезы.

Стром, будучи капитаном, хорошо улавливал настроение окружающих, что часто помогало ему вовремя вмешаться в спор между матросами.

– Шут, перестань, – мягко попросил он и повернулся к Еве. – Это призрак?

Ева кивнула.

– Какой он?

– Почти такой же, – Ева указала на картину. – Он настоящий и живет в портрете, но может выходить только по ночам. Мы общались с ним две ночи подряд с того вечера, когда вы уехали.

– Это из-за него ты не спала? Потому что вы разговаривали?

– Да. Он был музыкантом. Он рассказал мне о себе и о том, как здесь оказался. Я так хотела, чтобы вы с ним познакомились!.. – Ева совсем расстроилась. – Не понимаю, почему вы не видите его.

– Где он сейчас?

– Рядом с тобой, – Ева сделала жест рукой.

Стром вытянул вперед руку. Дарий слабо замерцал и протянул руку в ответ: она прошла сквозь пальцы капитана.

– Он дотронулся до меня? – спросил капитан.

– Да! Ты чувствуешь?

– Я чувствую покалывание, – сказал он, сжав ладонь в кулак, – и холод. Не зря об этом доме ходят слухи. Но почему призрака видишь только ты?

Ева пожала плечами. Она и сама хотела бы узнать ответ на этот вопрос.

Остаток вечера они провели за беседой, в которую Шут не вмешивался. Он лишь слушал и наблюдал за происходящим, сидя на подоконнике. Капитан спрашивал о призраке, и тот отвечал, а Ева, словно переводчик, передавала сказанное. Ближе к часу ночи все устали, и капитан с Шутом засобирались.

– Ну, еще раз с днем рождения! – капитан приобнял Еву и, воспользовавшись моментом, прошептал ей на ухо: – Не знаю, стоит ли оставлять тебя тут одну. Не уверен, что призраку можно доверять.

– Все хорошо, – шепнула она в ответ.

С Шутом Ева обниматься не хотела, да и он, по-видимому, не горел желанием. Перед уходом он просто хлопнул ее по плечу, как старого друга, и удалился за дверь.

Шут стоял на палубе и, опершись локтями на бортик, потягивал вино из непрозрачной бутылки. Море в темноте казалось черным, вода мерно билась о корпус.

– Что думаешь о случившемся? – спросил его капитан.

– О чем именно? – не поворачиваясь, уточнил Шут.

– Ты действительно считаешь ее сумасшедшей?

Шут отрицательно мотнул головой.

– Тогда зачем так сказал?

– Пошутил.

– Килян, вот что ты к ней постоянно цепляешься? Я думаю, ты ей небезразличен. Не замечал?

Шут насмешливо хмыкнул.

– Что смешного?

– Если кто-то из нас ей и нравится, то это точно не я, – ответил Шут. – Это может быть Раснар или Сомбер, но не я. Скорее всего, Раснар, он же весь из себя рыцарь. И он нравится девушкам.

– Ты тоже, не приbedняйся.

Капитан убрал с лица растрепавшиеся волосы и закурил трубку.

– Будь с ней мягче. Не обижай ее.

– Постараюсь.

Какое-то время друзья молчали. Небо было ясным, легкий ветер приносил с берега запахи еды: жареного мяса и выпечки.

– Как думаешь, этот призрак опасен? – спросил Стром.

– Не знаю. Но... – Шут задумался, – само по себе общение с мертвецом... Ты слышал, чтобы такие истории хорошо заканчивались?

Капитан вздохнул и нахмурился.

– Вот и я не слышал, – заключил Шут. – Попрошу Раснара поискать что-нибудь. Этот книжный червь соберет досье на кого угодно. Даже на мертвеца.

Капитан одобрительно кивнул.

– Пойдешь сажать цветы со мной? – спросила Ева. – Мама написала, что это нужно сделать ночью.

– Я хочу, но не могу, – вздохнул Дарий. – Ты ведь помнишь, что мои перемещения ограничены стенами этого дома?

Огоньки на свечах всколыхнулись, словно от тяжелого вздоха призрака. Ева задумалась, как вдруг ее посетило странное чувство.

– Дай мне руку, – сказала Ева, повинувшись внезапному порыву.

Дарий вытянул руку вперед. Ева сделала то же самое и почувствовала холодное прикосновение. Она сжала руку Дария в своей. Ладонь призрака оказалась плотной, чем-то напоминающей пудинг: в руке удержать можно, но чуть сожмешь – продавишь насквозь. Дарий изумленно поднял взгляд на Еву.

– Как ты это сделала?

– Просто отчего-то подумала, что смогу, – взволнованно сказала она. – Попробуем выйти?

Они направились к выходу. На пороге Дарий замешкался, но Ева была настроена решительно. Она распахнула дверь и вышла на крыльцо, держа Дария за руку. Призрак последовал за ней. Через секунду он стоял за пределами дома, изумленно рассматривая ясное небо. Он уже и забыл, что летом оно пестрит не только звездами, но и кометами с длинными хвостами. Словно огненные птицы они возникали в синеве небес и, очертив дугу, пропадали.

– Как красиво!.. – ахнул призрак.

Некоторое время они сидели на крыльце, наблюдая за кометами и мотыльками, выходящими вокруг лампы, которую Ева поставила рядом.

– Некоторые цветы ночью пахнут сильнее, чем днем, – сказала она, втягивая носом воздух. – Чувствуешь, какой сильный аромат исходит вон от тех кустов?

Ева указала на кустарники, усыпанные мелкими белоснежными цветами.

– К сожалению, я не могу разделить с тобой эту радость, ведь я больше не чувствую запахов, – грустно улыбнулся Дарий. – Смерть лишила меня почти всего, что придавало жизни вкус, оставив мне лишь зрение, слух да горькие воспоминания. Иногда я даже не понимаю, кто я теперь. А самое главное – не понимаю зачем...

Ева сочувственно покачала головой.

– Зачем же ты это сделал?

– Я видел в смерти избавление, успокоение. Если б я только знал, что физическая смерть – это еще не конец!

– То что бы ты сделал?

Призрак задумался и почти мечтательно возвел глаза к небу.

– Я бы уехал оттуда. Оставил бы обоих там. Я бы... я... я не знаю, – сдался он. – Я надеялся окончить свои мучения, отправиться к отцу и матери или же просто исчезнуть.

Ева охнула.

– Да! Иногда я думаю, что лучше было бы исчезнуть, чем стать вот таким! – Дарий посмотрел на свои руки. – Без тела, без голоса, без бьющегося в груди сердца, но все с той же болью, с тем же одиночеством и, в конечном итоге, с бессильной яростью!

Раздался щелчок. Ева огляделась и увидела, что пламя в керосиновой лампе до того разгорелось, что стекло, не выдержав жара, с треском лопнуло. Ева взялась за ручку лампы, чтобы поднести ближе и рассмотреть трещину, но тут же, вскрикнув, отдернула руку – раскаленный

металл оставил на ладони красную полосу. Ожог! Ева машинально сжала руку в кулак, когда вдруг почувствовала холодное прикосновение. Дарий взял ее обожженную руку в свои, накрыв след ледяной ладонью.

Огонь в лампе тем временем вернулся в свое обычное состояние.

– Жжет, – пожаловалась Ева и, глядя на лампу, заметила: – Прежде такого не случилось.

– Если чувствуешь физическую боль, значит, ты жива, а это благо, – сказал Дарий, держа ее за руку. – Жизнь лучше смерти в любом случае.

– Даже если тебя все предали?

– Даже так.

– Но ведь и ты чувствуешь боль, только душевную. Разве нет? Получается, даже будучи мертвым, чувствовать не перестаешь? Тогда чем жизнь так сильно отличается от смерти?

– Ты права, я продолжаю чувствовать. Но вместе с этим я ощущаю полную безысходность, тогда как ты, имея тело, можешь что-то изменить. Можешь говорить, кричать, можешь уйти, уехать, убежать или не убежать. Ударить, в конце концов. Я же – безмолвный свидетель, томящийся в ловушке собственной глупости. Пленник портрета, не имеющий права узнать ответы на свои вопросы.

Ева вздохнула. Руку все еще жгло, но уже не так сильно: ледяное прикосновение Дария сняло боль.

– Уже совсем поздно, – Дарий ободряюще улыбнулся. – Пойдем сажать твои цветы.

Держа Дария за руку, Ева ушла за дом – к северной его стороне. Там она посеяла семена, тщательно полив их водой. Дарий же, глядя на спящий город и бухту, вид на которые хорошо открывался с северной стороны холма, наслаждался каждым мигом своей неожиданной свободы. Он вдруг ощутил давно забытую эмоцию, чувство, которое он ранее потерял. То была надежда. Что, если Ева согласится поехать в Серпент, взяв его с собой? Дарий решил, что позже, найдя подходящие слова, обязательно спросит ее об этом.

С той ночи Ева часто выходила во двор, держа Дария за руку. Они разговаривали и любовались ночным небом. Выйти из дома без ее помощи он не мог, но для того чтобы гулять рядом с ней, Дарию не обязательно было держать Еву за руку все время. Она являлась для него неким проводником, билетом во внешний мир. Со дня его похорон домом Дария стал портрет, но Ева каким-то образом могла разрывать эту связь, становясь для призрака средством передвижения. В ее лице он обрел не только друга, но и возможность узнать ответы на вопросы, которые невыносимо его терзали.

– Знаешь, – однажды сказала Ева, – я когда-то слышала о том, что умершие, имеющие неоконченные при жизни дела, могут оставаться среди живых призраками.

Они лежали на траве, любясь звездами и пролетающими в небе кометами. Дарий повернулся к Еве, приподнявшись на локте.

– Думаешь, не все после смерти остаются такими, как я? – спросил он.

– Просто с тех пор как мы познакомились, я не видела других призраков, – задумалась Ева, – и мне кажется это странным. Ведь если я вижу и слышу тебя, то, возможно, могу увидеть и других.

– Может быть, они тоже не могут появляться днем, – предположил Дарий, – а ночами ты здесь: либо со мной, либо спишь.

Вдалеке слышались голоса: пьяные моряки горланили песни в таверне у причала. Оттуда же доносились звуки музыки и смех путан. Уж не Шут ли там весело отплясывает с ними сейчас? Ни его, ни капитана Ева не видела несколько дней: с тех самых пор, как они вернулись из Гланбери. Девушка вздохнула.

– Как думаешь, есть ли у тебя неоконченные дела? – спросила она.

Дарий почувствовал волнение. Он несколько дней ждал этого момента, и тот наконец настал!

– Я думаю, что есть, – осторожно начал он. – Все эти годы я сожалел о том, что сделал с собой. Но я не могу вернуться в прошлое и поступить иначе. Однако есть кое-что еще...

Дарий замялся.

– Что же? – мягко подтолкнула его Ева.

– Вопросы, не дающие мне покоя. Почему Электа так поступила со мной? Почему она не пришла на мои похороны? Я был уверен, что она любила меня так же сильно, как любил ее я, – голос Дария сорвался. – Готов поклясться, что видел это в ее глазах! До сих пор не могу поверить в то, что она просто хорошо изображала чувства!

Ева дотронулась до его запястья.

– Тебе все еще больно? – тихо спросила она.

– Да!

Дарий замерцал и сел на траве. Казалось, он даже как-то сжался.

– Эта боль похожа на твой ожог, – призрак развернул ладонь Евы, указав на заживающий рубец, оставленный лампой. – Я бы сказал, что такая вот рана находится у меня на сердце. Сказал бы, если бы оно у меня было. Она горит и саднит, не переставая, а с годами все сильнее и сильнее.

– Значит, время не лечит?

– Лечит. Но только лишь живых, потому что вы можете его чем-то или кем-то заполнить. Для мертвеца же время – злейший враг, ибо тянется оно бесконечно. И даже смерть не способна окончить эти страдания. Ничто и никогда не заполнит эту пустоту.

Ева сочувственно посмотрела на соседа.

– Что, если неоконченное дело можно завершить? – осторожно спросила она. – Вдруг твоё состояние – это не конец? Только представь, если на самом деле ты застрял в нем на пути в другой мир? Вдруг врата, о которых ты слышал, существуют?

Призрак замерцал, как и всегда, когда волновался. И тут Еву осенило.

– А Дож? – встрепелась она. – Ты видел его, когда он умер?

Дарий встал и сделал несколько шагов по траве, глядя себе под ноги. Похоже, что вспоминать о Доже ему было неприятно.

– Я видел, как его дух во время пожара отделился от тела. Но призраком, как я, Дож не остался. Через несколько мгновений он просто пропал, и куда исчез, я не знаю.

Ева выдохнула.

– Похоже, не все после смерти остаются! Сколько было лет Электе тогда?

– Она была на пару лет тебя старше, – ответил Дарий, не сводя глаз с веселого скрипача и людей, танцующих на берегу вдалеке.

– Если прошло около двадцати лет, – размышляла вслух Ева, – то сейчас ей чуть больше сорока, так?

Дарий занервничал и обернулся.

– Верно, – кивнул он и, набравшись смелости, добавил: – Она еще жива. И я думаю... думаю, что, если бы я смог поговорить с ней, посмотреть в ее глаза, узнать ответы – это прекратило бы мои терзания. И тогда, возможно, я увижу эти врата.

Дарий повернулся к подруге, крепко сжав ее ладони. Ночь была темной, но глаза призрака блестели, а сам он слабо флуоресцировал.

– Ева, – взволнованно начал он, – ты мой единственный шанс! Мне просто необходимо попасть в Серпент, найти ее там или где-то в другом месте и поговорить. Это возможно только лишь с твоей помощью. Я прошу тебя, помоги мне!

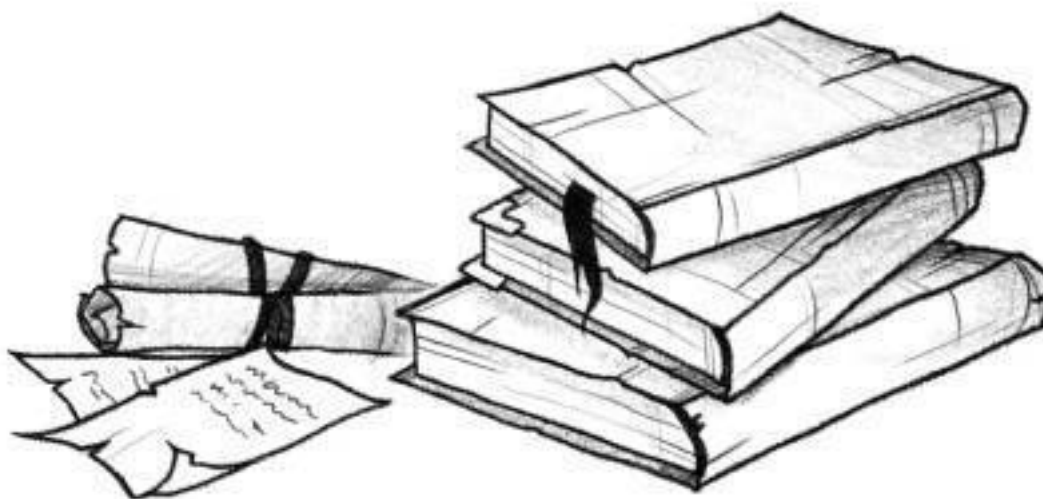
Дарий встал на одно колено, умоляюще глядя Еве в глаза. Она растерялась. Никто и никогда не говорил с ней так. Никто до этого момента не просил ее о помощи. Все в Гланбери,

кроме ее родителей, либо избегали ее, либо над ней смеялись. Глядя на отчаявшегося призрака, она одновременно испытывала сразу несколько чувств: смутение – неужели он всерьез считает, что она может помочь ему? – сочувствие, жалость, но вместе с тем благодарность за оказанное доверие. Едва сдерживая слезы от нахлынувших чувств, Ева ответила:

– Я отвезу тебя в Серпент! Чтобы добраться до Стеклянных островов, потребуется судно. Как только я увижу Строма, поговорю с ним об этом, и, думаю, он мне не откажет.

В ответ Дарий заключил Еву в ледяные объятия.

Глава 4. Некромант

Капитан с Цербером не заходили еще несколько дней. Такое бывало раньше, когда они отправлялись в долгие путешествия. Дарий терпеливо ожидал их возвращения.

Стояли теплые дни, и нондиверы окончательно высохли. Ева заваривала их как обычно и теперь вздохнула спокойно: проклятие никак себя не проявляло, а значит, и она, и окружающие в безопасности до зимы. А там уже подрастут новые цветы. Ева по обыкновению заходила в лавку аптекаря, чтобы отнести травы, заготовленные ранее, а по дороге часто встречала Треора. Он приветственно махал ей рукой издали. Ева привыкла к нему и даже стала махать в ответ. Его экипаж останавливался на перекрестке, где уже ждали какие-то люди. Ева хотела спросить, куда они едут, но Треор никогда не останавливался, чтобы поговорить. Было похоже, что он сильно спешил.

Наступил август, и туман накрыл Сомнус. Ева возвращалась домой узкими улочками, срезая путь через уютные дворы. Впереди шумела река. Она брала начало в горах, окаймляющих город с материка, и бурным потоком пересекала Сомнус с востока на запад. Выйдя на мост, Ева услышала звук шагов за спиной. Она обернулась. Это был Шут.

– Где же Стром? – прохладно спросила она.

– Мы сели на мель на архипелаге, капитан остался чинить пробоину, – ответил Шут. – Я прибыл один другим кораблем, – он указал рукой в сторону причала: большое грузовое судно виднелось вдалеке за деревьями, – но сегодня же должен уехать. Отправляюсь через час. Я искал тебя.

– Вы уезжали?

– Да, ездили в одно место, – Шут нервно поправил шляпу и вынул из-за пазухи конверт. – Раснария нашел кое-что для тебя. Просил передать.

– Что там?

– Кое-что важное. Посмотри это одна. И еще... – Шут выглядел очень серьезным, таким Ева раньше его не видела. – Может быть... может, ты поедешь со мной?

– Куда? Ты какой-то странный, что происходит? – Ева нахмурилась.

– Ну, куда... Стром сейчас починит корабль и собирается взять курс на юг. Скоро Большой Эмпорий, а у нас не так много вещей, способных заинтересовать Вормака. Поехали с нами, Ева. Ты ведь хотела увидеть корабль Соллера.

Ева не узнавала Шута: он показался ей очень взволнованным. Они стояли на мосту, под которым шумела река. Вода ударялась о камни, взмывая кристальными брызгами, которые тут же поглощал низко стелющийся туман.

– Я собиралась поехать с вами, но не одна, – ответила Ева. – Дарий попросил меня кое о чем... и... вообще, мне нужно поговорить об этом со Стромом, когда он вернется.

– О чем же тебя просил твой призрак? – насторожился Шут.

Ева замялась. Шуту она говорить не хотела. Не хватало снова терпеть его насмешки!

– Да так, – уклончиво ответила она. – Я бы хотела поговорить лично с капитаном.

Шут взял ее за плечи и, глядя в глаза, сказал:

– Ты можешь довериться мне.

У Евы засосало под ложечкой. Перед ней стоял тот Килан, каким она запомнила его в тот день, когда он научил ее стрельбе. Участливый, добрый, заботливый и сильный. Хотелось зарыться в его объятия и раствориться в тепле, исходящем от его рук. Он не походил на того нахала и хама, в которого превратился в последнее время. Можно было подумать, что у Цербера появилась еще одна личность – еще один Шут! Сколько же теперь их в этом теле? Четверо?!

Как бы там ни было, такому Шуту сопротивляться Ева не могла.

– У Дария есть незавершенное дело, – сдалась она. – Пока вас с капитаном не было, мы много говорили. Я чувствую его прикосновения! Я могу держать его за руки, могу обнять: его руки не проходят сквозь мои, как это случилось тогда, со Стромом!

Ева рассказала Шуту обо всем. О прогулках с призраком в саду и о его просьбе найти бывшую невесту. Шут слушал не перебивая, и в глазах его появилось нечто похожее на страх.

– Я боюсь, он кое-что скрывает от тебя, Ева, – серьезно сказал Шут. – Он опасен.

– О чем ты говоришь?! Не понимаю, чем он может быть опасен?! Это глупости.

– Все здесь, – он указал на конверт. – Открой его одна и тщательно прочти все, что в нем лежит. Будь осторожна. Я должен ехать сейчас, но мы вернемся сразу как сможем. То, что увидишь в конверте, с призраком не обсуждай. Пообещай мне это!

– Мне не нравятся твои загадки, Килан, – помрачнела Ева.

– Лучше ты все сама увидишь, чем я расскажу. Просто не обсуждай это с ним. Обещаешь?

– Хорошо, обещаю.

– Мы вернемся за тобой как можно быстрее и вместе отправимся на поиски артефактов.

Килан выпрямился и поправил золотистые пряди, выбившиеся из-под шляпы. Он ободряюще кивнул Еве и зашагал в сторону берега.

Не заходя в дом, Ева села на крыльцо. Открыть конверт сейчас или позже? До заката еще около часа, время есть. Что же в нем такое, чего нельзя показать Дарию?

Любопытство взяло верх, и Ева распечатала конверт. В нем лежали газетные листы, вырезки из статей и разные бумаги. Ева развернула первый документ. Это было свидетельство о смерти.

«Дарий Ле Гур, 27 лет, музыкант.

*Дата смерти: ** октября ** года*

Причина: самоубийство, выстрел в голову.

Кремирован.

Похоронен на городском кладбище, Стекланный архипелаг, о. Мирах, г. Серпент».

Вторым документом было еще одно свидетельство.

«Дож Лансени, 32 года, музыкант.

*Дата смерти: ** ноября ** года*

Причина: самовозгорание.

Останки похоронены на городском кладбище, Стекланный архипелаг, о. Мирах, г. Серпент».

Ева достала пожелтевшую газету, еженедельник Серпента, с разделом некрологов. Обведен был некролог Дария с приглашением на похороны всех, кто желает проводить талантливого пианиста в последний путь.

Следующей была газетная вырезка с заголовком ***«Дож Лансени. Трагическая гибель музыканта»:***

«Необъяснимое событие случилось в отеле Нэсси ** ноября. Дож Лансени – талантливый альтист, бывший коллега и близкий друг ныне покойного пианиста Дария Ле Гура – давал интервью в своем номере, исполняя музыку из прежнего репертуара. Во время интервью музыкант неожиданно загорелся. При этом никакого источника огня рядом свидетели не увидели. Потушить огонь удалось не сразу, т.к. альтист загорелся буквально полностью в считанные секунды. К прибытию помощи господин Лансени уже был мертв.

Данное явление признано самовозгоранием. Причина его неизвестна».

Ева нахмурилась. Отложив лист, она достала из конверта еще несколько газетных вырезок. Бумага, шрифты и оформление отличались, указывая на то, что все газеты были из разных городов.

«Несчастный случай: небесная кара настигла любовников. Еще утром жена графа провожала супруга на охоту, а днем ее вместе с любовником нашли погибшей в супружеской постели. Экспертиза показала, что оба сгорели заживо. Источник огня не найден. В комнате пострадала лишь постель, остальные предметы интерьера остались целы. Не пострадал и дорогой портрет с изображением любимого музыканта графини – Дария Ле Гура. Загадочная гибель любовников не раскрыта».

Следующим был информационный проспект с аукциона:

«Проклятое полотно.

Портрет музыканта. Вызывает произвольные возгорания в доме, где находится. Загадка портрета мучает многих, и лишь некоторые отважатся повесить его в своем доме. Настоящий вызов! Только для смельчаков». Ниже была указана начальная и сразу очень высокая цена.

У Евы закружилась голова. Она вспомнила, как разгорались и полыхали свечи, когда Дарий рассказывал свою историю, особенно когда вспоминал о предательстве Электы и Дожа. А как разбушевалось пламя в лампе, когда они сидели на крыльце! Даже стекло треснуло, а ведь Дарий в тот момент был зол!

Тошнота подкатила к горлу тугим комом. Взяв себя в руки и немного успокоившись, Ева бегло просмотрела оставшиеся документы. Статьи пестрили историями о возгорании вещей и людей в домах, где висел портрет Дария. Далее шли копии документов на покупку портрета бывшим хозяином дома, где жила Ева. В договоре на картину прописали смехотворную стоимость, а вот ее название и имя автора не указали, как и жуткое описание, разумеется. Похоже, «проклятого полотна» стали бояться и покупать его больше никто не хотел. Цену портрета максимально снизили, а описание убрали, чтобы картину не смогли опознать.

Последними Ева прочла короткие заметки о своей усадьбе в газетенках Сомнуса. В них говорилось, что в доме ночью невозможно спать: слышатся шорохи, сами по себе перемещаются предметы, воспаляются поленья в камине и загораются свечи.

Ева купила дом за бесценок. Большой уютный дом с мебелью и садом. Хозяин продавал его спешно и искал покупателей исключительно среди приезжих, встречая их у причаливших в Сомнус кораблей. Осознание того, что хозяин просто избавился от дома и сбежал подальше,

выбило у Евы почву из-под ног. Она почувствовала себя опустошенной, обманутой. Местные знали, что в доме нечисто, а такие, как Ева, – нет.

Она обхватила голову руками и зажмурилась. Нет, этого не может быть. Дарий не может быть убийцей! В такое невозможно поверить. Ева собрала вырезки и документы, чтобы положить обратно в конверт, когда заметила в нем еще что-то. Это была страница, вырванная из книги:

«Полтергейст или шумный дух. Сущность, созданная энергией человека. Результат всплеска негативных эмоций: ярости, отчаяния, гнева и др. Полтергейст возникает как самостоятельный сгусток энергии, управляемый живым человеком, или же им становится озлобленный призрак. Чаще всего проявляется в темное время суток, т.к. при дневном свете теряет свою мощь. Некоторые особенно мощные призраки могут проявлять себя и днем. Духом умершего, ставшим полтергейстом, движут обида, злость, месть, ярость и другие разрушительные состояния. Признаки наличия в доме полтергейста:

- предметы перемещаются сами, без участия сторонних лиц;*
- слышатся постукивания и другие посторонние звуки среди ночи, иногда запахи;*
- возникают возгорания, не имеющие источника».*

На этом Ева читать перестала. На глаза навернулись слезы. Неужели это правда? Все указывает на то, что Дарий – не просто призрак, а тот самый полтергейст. Нет! Нельзя же просто взять и обвинить его в таких грехах! Ева доверяла Дарию. Он рассказал ей свою историю, поделился с ней своей болью, мог ли он скрыть от нее столь жуткую правду?

Она достала газетные вырезки и перечитала их снова. На улице стало темнеть, и Ева зажгла фонарь, благодаря которому еще можно было различать буквы. Крупные мотыльки слетелись на его тусклый свет, иногда усаживаясь Еве на руки, но она не обращала на них никакого внимания. Она перечитывала и перечитывала документы, постоянно возвращаясь то к некрологам, то к странице о полтергейстах. От волнения разболелась голова, а от чтения в сумраке – глаза. В дополнение к этому ползущий по земле туман заставил Еву продрогнуть. Поёжившись, она собрала документы в конверт и встала.

Нет, она должна поговорить с призраком и выяснить правду! Это какая-то ошибка. Ева не могла в это поверить.

Напрочь позабыв обещание, данное Шуту на мосту, Ева решительно шагнула в дом.

Дарий ждал ее в гостиной, расположившись в кресле.

– Здравствуй! – улыбнулся он. – Что-то ты сегодня поздно.

Дарий не мог выйти во двор без помощи Евы, поэтому о том, что она давно дома, не знал.

Несмотря на улыбку, призрак всегда выглядел серьезным. Ева думала, такое ощущение возникает из-за его печального тяжелого взгляда. Сегодня она смотрела на Дария не так, как обычно. В ее душе поселилось недоверие.

Ева медлила, не решаясь начать разговор, поэтому вежливо поддерживала простую беседу.

– Где была сегодня? – спросил призрак.

– Ходила к аптекарю, отнесла свои заготовки. Да и много где была еще, – Ева пыталась говорить непринужденно. – Встретила Шута на мосту.

– А капитана? – оживился Дарий. – Его ты видела? Спросила о поездке в Серпент?

– Нет, он еще не приехал. Его корабль сел на мель и требует починки.

– Твой друг приехал один?

Ева не торопилась отвечать. Она подошла к окну и окинула взглядом сад. Ночной туман окутал его, цветы и деревья утопали в легкой белой дымке. Вдалеке светлело небо – близился рассвет.

– Да, он приезжал один. И... он привез мне кое-что, – Ева повернулась к призраку. – Дарий, у меня есть к тебе вопрос. И я хочу, чтобы ты был честным со мной.

– Что случилось?

Призрак взволнованно замерцал, пламя свечей рядом с ним всколыхнулось. Заметив это, Ева ощутила, как на голове зашевелились волосы.

– Ты можешь обещать мне, что будешь честен?

– Само собой, Ева, что ты хочешь узнать?

Девушка поежилась. Сердце бешено колотилось в груди.

– Расскажи ещё раз, как умер Дож?

– Я ведь говорил тебе раньше, – Дарий отвел взгляд, сосредоточив его на горящих в камине поленьях. – Он погиб в пожаре.

– Да-да, я помню, – Ева нервно заламывала руки. – Но... всё-таки, почему он загорелся?

– Ева, я не хочу вспоминать о нем! – сердился призрак, бросив на нее тяжелый взгляд. – Я уже рассказывал тебе.

– Дарий, у меня есть сведения, что Дож не был пьян, когда умер.

Призрак засветился, как в ту ночь, когда Ева пообещала отвезти его в Серпент. Он не мог скрыть беспокойства. Дарий встал и зашагал по комнате.

– Что еще тебе известно? – спросил он. Голос его стал ледяным.

– Значит, это правда?! – Ева задрожала, а по щекам ее покатались слезы. – Зачем ты солгал мне? Это ты убил его?

– Да! Ты предпочла бы узнать об этом сразу?! – Дарий мерцал и светился, а взгляд его стал страшным. – Да, я убил его!

Ева не могла двигаться и говорить тоже. Сделав усилие, она обхватила свои плечи, беззвучно глотая слезы.

Дарий яростно шагал по комнате, которая освещалась шумным огнем из камина и высоким пламенем свечей в канделябре.

– Этот негодяй увел мою невесту, а после глумился над моей смертью! Он приглашал журналистов и других гостей в свой номер, где всем показывал мой портрет и наигранно плакал, исполняя *мою* музыку! За ложь и лицемерие он получал хорошие деньги и преумножал свою славу. Когда все уходило, Дож напивался и говорил с полотном. Он говорил мне: «Хоть ты и мертв, это не помешало мне получить то, что всегда имел ты, любимец публики! Мы поедем с тобой в другие города, где я буду устраивать памятные концерты! Удивительно, каким полезным мертвецом ты оказался!», – лицо Дария исказил гнев. – Он издевался! А спустя месяц после моей смерти принес в номер цветы. Крокусы! И я понял! Я все понял! – голос Дария сорвался на крик. – Он забрал все, что у меня было: мою музыку, мою женщину, мои деньги, славу и признание! И цветы он приготовил для нее – для Электы. Ненавижу!

Раздался звон: это раскололась ваза, стоявшая на столе. В доме захлопали двери и открытые оконные створки. Ева вжалась в угол, взглядом следя за призраком. Шут был прав: Дария стоило опасаться.

– Он всего лишь получил по заслугам! – продолжал музыкант. – Как и остальные предатели, изменяющие своим близким. Лгущие о любви и насмехающиеся над чувствами тех, кто их любит.

Призрак остановился и оперся руками на спинку высокого кресла. Двери перестали хлопать. Дарий понемногу успокоился.

– Кто сказал тебе? Как ты узнала? – спросил он, подняв взгляд на девушку.

– Шут передал конверт с документами, – тихо сказала Ева, вытирая слезы тыльной стороной ладони. – Извини, Дарий, но после того, что я узнала... я не думаю, что мы сможем с тобой общаться. Ты обманул мое доверие. Ты опасен. Мне придется отправить портрет туда, где ты не сможешь никому навредить.

Дарий стоял неподвижно, не сводя глаз с Евы. Из шкафа на пол посыпались книги, а мебель заходила ходуном. Двери вновь захлопали.

– Ты обещала отвезти меня в Серпент, – холодно напомнил Дарий.

– Об этом не может идти речи! – крикнула Ева. – Я не повезу этой девушке смерть! Откуда мне теперь знать, что ты не задумал и ее спалить?!

Мебель поднялась над полом и зависла в воздухе. По гостиной начали летать предметы, закручиваясь вихрем, в центре которого стоял безмолвный призрак. Огонь в камине полыхал, свечи уже давно прогорели от бешеного пламени и оплавившись, запачкав стол воском.

– Ты не можешь заставить меня! – закричала Ева. – Ты презираешь предателей, но сам поступил со мной так же, скрыв свои истинные намерения! Я не буду помогать тебе. Ты не лучше тех, над кем вершил суд!

– Уходи! – зарычал призрак.

Ева почувствовала толчок в спину, словно невидимая сильная рука направляла ее к выходу. Дверь распахнулась, и девушка выскочила из дома на крыльцо. Дверь за ней с грохотом захлопнулась.

Спустя несколько секунд она вновь открылась, и на улицу следом за Евой вылетел кулек с сушеными нондиверами. Ева подобрала его и сердито двинулась из сада к выходу. В открытые окна из дома вылетали разные вещи: перья, посуда, бумажки, книги, полотенца... Слышался звон разбитых чашек.

Ева спустилась с холма и вышла на мостовую. Ночь уступала место рассвету. Туман оставался только в низинах, а небо светлело. Ева не хотела возвращаться домой, несмотря на то, что Дарий, с рассветом вновь оказавшись пленником холста, уже не будет представлять никакой опасности. Чувствовала она себя ужасно. Угнетало то, что призрак чуть не использовал ее для своей жуткой цели. Как она могла так ошибиться? Ева застегнула меховой жилет и зашагала на площадь. Часы на башне показывали восемь. Еще час – и откроется главная библиотека Сомнуса. Ева знала, что Раснария всегда находил много информации, ведь он был усидчивым и внимательным, а также не упускал ни единой возможности узнать что-либо полезное. Одним из мест, полных этих возможностей, как раз и была библиотека.

Ева села на скамейку, дожидаясь открытия. Спать не хотелось, есть тоже. Сильное нервное напряжение и волнение не давали успокоиться. Мысли в голове двигались с бешеной скоростью. Она жила в доме два месяца до того, как начала видеть Дария, но он никак не проявлял себя. Почему? Теперь она вряд ли это узнает. Ева и представить не могла, что в гневе Дарий легко передвигал предметы, разбивал стекла и устраивал пожары. Кстати, о пожарах. Ева вспомнила про загадочно вспыхнувшие цветы – ее лекарство. Она думала, что это искра из очага попала на них. Но теперь она знала ответ: в тот день сгорели не только нондиверы, но и горшочек с крокусами, который она поставила рядом с лекарством. Она купила их, чтобы высадить во дворе. Как она могла забыть про крокусы?! Ведь можно было догадаться, еще когда Дарий только рассказывал свою историю.

Часы на башне пробили девять.

Ева, погруженная в размышления, не заметила, как пожилой библиотекарь повесил табличку «Открыто» на дверь.

Библиотека оказалась огромной. Стеллажи из красного дерева подпирали высокий потолок и были заполнены книгами разных лет: Сомнус – старый город с богатым наследием. В библиотеке пахло пылью, бумагой и кожей переплетов.

Ева запросила книги о призраках и получила несколько томов, большинство из которых были старыми, с желтыми ветхими страницами. Она провела за чтением несколько часов и начала кое-что понимать. Самое важное она выписала на лист бумаги, который ей любезно предоставил библиотекарь:

«Неоконченные дела, желания или сильные чувства заставляют душу человека после смерти оставаться в мире живых призраком. Чем дольше дух остается неупокоенным, тем дольше он думает и в конце концов становится одержимым какой-либо мыслью. Чаще всего они привязаны к какому-то предмету: собственное тело, место гибели или что-то, что было важно при жизни. Призрак также может быть привязан к живому человеку, следуя за ним везде.

Дух умершего могут слышать люди-медиумы, которые, вступая в общение с ним, устанавливают прочную связь. Таким образом, призрак может поменять предмет или место, к которому был привязан, на человека-медиума, следуя везде за ним шлейфом.

Самоубийцы или же люди, погибшие от чужой руки и не нашедшие упокоения, со временем становятся полтергейстами. Первый признак духа-полтергейста – он активен ночью, то есть в отсутствие солнечного света. Однако чем дольше существует полтергейст, тем он становится сильнее и спустя годы сможет быть активным и днем. Это вопрос времени. Находиться рядом с таким духом очень опасно. Полтергейст может причинить неудобства, вред или даже убить. Чем сильнее его гнев и обида, тем опаснее призрак.

Люди, убившие себя сами, после смерти часто не могут найти путь в мир мертвых и, становясь полтергейстами, набирают силу быстрее, но обычно не способны управлять ей».

Ева нашла описания других случаев возгораний и смертей от рук полтергейстов. Узнавая в признаках все, что отличало и Дария, она все больше приходила в ужас.

«Шумного духа невозможно унять простому человеку и даже медиуму. Там, где поселился полтергейст, жить нельзя. Справиться с таким духом может только некромант – единственный укротитель мертвых».

Что еще за укротитель такой? Ева закрыла книги о призраках и водрузила всю стопку на стол библиотекаря.

– Уже все прочли? – удивился он.

– Нашла все, что было необходимо, благодарю, – Ева устало улыбнулась.

– Может, найти для вас что-то еще, милая леди? – библиотекарь задорно поправил усы и придвинулся к Еве. – Как вас зовут, красавица?

Старикан что, флиртует с ней?!

– Думаю, вы можете мне помочь, – ответила Ева, аккуратно отодвигаясь от старика. – Вы знаете что-нибудь о некроманте? Где можно его найти?

Масленные глаза библиотекаря округлились, а улыбка превратилась в гримасу негодования.

– Пошла вон отсюда! – закричал он и угрожающе схватил метлу. – Вон! Ведьма! Дрянь! И не смей возвращаться!

Ева выбежала из здания, одновременно уворачиваясь от взмахов метлы библиотекаря. Едва оказавшись на улице, она споткнулась о камень, потеряла равновесие и почувствовала, что в кого-то врезалась. В глазах библиотекаря отразился ужас. Что-то бормоча, старик попятился и скользнул в тамбур, сильно хлопнув дверью. Изнутри щелкнул замок, а за стеклом появилась табличка «Закрыто».

Девушка медленно подняла голову, переводя взгляд наверх, и ей стало не по себе: перед ней стоял человек в длинном черном плаще. Он был очень высоким: Ева оказалась ему ниже плеча. Незнакомец молча взирал на нее, однако лицо его выражало заинтересованность и, одновременно с ним, удивление. Зрачки мужчины были черными и блестящими, как маслины, а скулы высокими. Не очень длинные черные, с редкой проседью, волосы собраны в хвост на

затылке, короткие же пряди болтались у лица. Сам он был очень бледным, с хмурыми черными бровями. Незнакомец первым нарушил неловкое молчание:

– Не ушиблась? Что это нашло на старика?

– Не знаю, – ответила Ева, поправляя одежду, – всего лишь задала вопрос, а он как взъелся, обругал меня на чем свет стоит и выгнал. Извините, мне некогда было смотреть на дорогу.

– Ничего страшного, – незнакомец изобразил что-то похожее на улыбку. – Не будь меня, ты бы шлепнулась на мостовую. О чем же ты его спросила?

– После такой реакции сомневаюсь, что мне стоит задавать этот вопрос кому-то еще.

– Не попробуешь – не узнаешь, – заметил черный человек, – я уверен: ничего в мире не происходит случайно. Быть может, наша встреча принесет пользу нам обоим. Вдруг я именно тот, кто тебе сейчас нужен? Так что за вопрос?

Ева промолчала. Несмотря на зловещий вид незнакомца, он ей понравился. То ли вежливостью, то ли тем, что случайно защитил ее от гнева старика. И тут ее осенило! Кем же может быть этот высокий пугающий человек в черном?

– Может быть, вы некромант? – осторожно спросила она.

Незнакомец сдавленно охнул и широко улыбнулся.

– Так меня еще не называли! – засмеялся он. – Нет, я не тот, о ком ты говоришь. Однако с моей стороны было очень невежливо не представиться. Я прошу прощения. Меня зовут Мориус. Я бы предпочел, чтобы мы общались на «ты», ведь я еще не настолько стар. Позволь узнать твое имя?

– Лорд Мориус? Так вот почему... – Ева осеклась на полуслове, но тут же взяла себя в руки. – О тебе ходят разные слухи. Говорят, что ты вампир.

– Говорят, – кивнул Мориус.

– Что ты отшельник и ворует трупы, – продолжала Ева.

Мориус снова кивнул.

– Детей ворует... – Ева приподняла одну бровь.

Мориус улыбнулся, возвел взгляд к небу и добавил:

– ...ем их, а косточки закапываю на заднем дворе.

Ева рассмеялась. Лорд шутил.

– Если это неправда, то откуда все эти слухи и байки о тебе?

– Правда в том, что я нелюдим и одинок. Мой отшельнический образ жизни, молчаливость и внешний вид, как правило, не нравятся людям. Если хочешь, чтобы о тебе поползли слухи, а люди начали слагать жуткие сказки – оденься в черное и поселись одна вдали от людей. И ты узнаешь, насколько силен страх человека перед неизвестным. Все, что делается не так, как привыкли это делать в обществе, чаще всего, осуждается и приравнивается к общению с темными силами, отсюда же и обвинения в вампиризме. Надеюсь, я ответил на твой вопрос?

– Пожалуй, – ответила Ева и протянула ему руку для приветствия. – Меня зовут Ева.

– Рад знакомству, Ева, – Мориус пожал ее руку. – Ты занята сейчас? Приглашаю тебя в таверну, здесь, за углом. Попьем чай с пирогами, я угощаю.

Ева замялась и уже хотела вежливо отказаться, когда Мориус снова заговорил:

– Безопасно ли это? Да, даю слово. Это людное место, там хорошо готовят, и у них самый лучший в городе чай. А меня можешь не опасаться. Чтобы доказать это, я отвечу на любые твои вопросы. И, кстати, – Мориус улыбнулся, – ты будешь первой в городе, кто узнает обо мне больше всех.

– Какой тебе в том интерес? – недоверчиво спросила Ева.

После того, что произошло с Дарием, она решила быть осторожней со знакомствами.

– Хотя я и привык к одиночеству, но, много лет прожив затворником, соскучился по живому общению.

Ева фыркнула.

– В чем проблема? Вышел из дома и общайся, кто тебя держит?

– Ты слышала, что говорят обо мне. Это в юности легко подойти к незнакомцу и начать разговор, но с возрастом это становится сделать все труднее. И я, к своему стыду, заводил беседы разучился вовсе, потому и не стремился развенчивать мифы о себе, – Мориус замолчал, но после небольшой паузы продолжил: – Для меня большая удача, что я проходил сегодня мимо библиотеки. Прошу, окажи мне честь, пообедай со мной.

Мориус казался неопасным и очень загадочным. Ева так устала за последние несколько часов от навалившихся на нее проблем, от разочарований и страхов, что решила развеять грусть и попить чай с этим жутким лордом, которого боялся весь город. В конце концов, это давало ей возможность не возвращаться домой еще какое-то время, что уже было плюсом.

Шагал Мориус широко и плавно, словно не шел, а скользил по земле. Они завернули за угол и спустились в таверну, что находилась на цокольном этаже. Мориус элегантно распахнул дверь и пропустил Еву вперед. Манеры, движения и речь выдавали в нем аристократа. Ева положила кулек с нондиверами рядом с собой на столик в углу и уселась напротив Мориуса. Они сделали заказ, и Ева решила взять разговор в свои руки.

– Почему тебя называют лордом? У тебя действительно есть титул?

Мориус моргнул от неожиданности, расстегнул и снял плащ, повесив его на вешалку рядом со столиком. Лорд был очень худым, в глаза бросались узловатые суставы рук, а его бледность неестественно выделялась на фоне черной рубашки даже при тусклом рассеянном свете таверны. На левой руке блеснуло кольцо с крупным зеленым камнем – единственный цветной штрих в его образе. Мориус сел, сложил руки в замок и начал говорить:

– Я не из этих мест, но живу здесь давно. Много лет назад я покинул родные края. Мой отец, лорд, возлагал на меня большие надежды. Он был уверен, что я, как единственный наследник рода, стану его опорой и продолжу его дела. Еще в моей ранней юности он договорился с владельцем соседнего поместья, у которого была дочь чуть старше меня, поженить нас, объединив тем самым земли двух лордов. Довольно распространенное дело в наших краях. О, благодарю, – кивнул он девушке, принесшей чайник, и снова обратился к Еве: – Надеюсь, ты любишь белый чай?

Ева удивленно вскинула брови:

– Да, это мой любимый. Как ты узнал?

– Никак, – улыбнулся Мориус, – я сам его люблю.

Он звякнул заварником и наполнил чашку Евы, а потом и свою. В воздухе появился аромат жасмина. Ева опустила ложку в напиток, чтобы он поскорее остыл, а Мориус продолжил:

– Мой отец имел поместье и землю. В один из дней он сообщил мне о своих планах, однако я ответил, что вижу для себя другую жизнь. Отец очень рассердился и сказал, что откажется от меня, если я не забуду о своих глупых замыслах. Но я не забыл: я собирался уехать, чтобы учиться, и в мои планы женитьба не входила. Я напомнил ему о своем решении и покинул отчий дом, веря, что когда-нибудь родитель смягчится. Но как только я переступил порог, отец сдержал обещание. Я писал ему. Писал постоянно, но он никогда мне не отвечал.

Мориус замолчал. Ева внимательно слушала его, боясь сбить с мысли. Тихонько зазвучала лютня, которой вторила робкая флейта. Волшебные звуки музыки успокаивали, и Ева расслабилась. Теперь она совсем не жалела, что пошла с Мориусом – новый знакомец все больше ей нравился. Она уже не считала его жутким – напротив, за его хмурым взглядом она видела неутолимую тоску. Пока он говорил, Ева разглядела несколько небольших морщин на его лице: между бровями и на лбу. Выглядел он лет на тридцать пять, но держался так, будто был гораздо старше. Она хотела узнать о нем еще и, отломив кусок ржаного пирога с баклажаном, подала лорду, вырвав его из задумчивости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.